

Узакный детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

•
Если вы
не влюблены!
•

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

Если вы не влюблены!

«ЭКСМО»

2013

Куликова Г. М.

Если вы не влюблены! / Г. М. Куликова — «Эксмо»,
2013 — (Изысканный детектив от Галины Куликовой)

ISBN 978-5-699-66448-1

Отправляясь в летнее турне по городам России, артисты московского театра надеялись встретить теплый прием зрителей и получить незабываемые впечатления от поездки. Однако от легкости и веселья вскоре не осталось и следа, а вот впечатления действительно вряд ли забудутся при всем желании. В каждом городе, где выступают московские артисты, после спектакля происходят убийства. Вся труппа под подозрением, и каждому есть что скрывать... Поняв, что дело нечисто, режиссер зовет на помощь знакомого следователя Валерия Дворецкого. Только Дворецкий может связать все преступления воедино и распутать клубок загадок. Потому что он мыслит непредвзято, а в маленькой труппе после серии убийств все подозревают всех...

ISBN 978-5-699-66448-1

© Куликова Г. М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Незадолго до гастролей	8
Накануне гастролей	19
Гастроли начинаются	27
Перегудов, день первый	29
Перегудов, день второй	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Галина Куликова

Если вы не влюблены!

Сабине, самой замечательной сестре на свете

Поздно вечером пенсионерка Клавдия Петровна обнаружила на лестничной площадке своего дома труп неизвестного мужчины. Закаленная суровой криминальной обстановкой последних лет, старушка не испугалась и даже почти не удивилась, словно давно уже ждала, когда же разгулявшаяся преступность нагадит непосредственно у дверей ее квартиры.

Многие часы, проведенные в обществе телевизионных ментов и бандитов, не прошли для Клавдии Петровны даром. Почти автоматически она посмотрела на часы, чтобы запомнить точное время, и пошла к телефону – звонить в милицию.

Продиктовав дежурному адрес, свою фамилию, имя и отчество, Клавдия Петровна не забыла предупредить, что ехать надо в объезд по Усачевской, потому что на их улице уже месяц как все перекопано. Положив трубку, она приоткрыла дверь на лестницу, чтобы охранять место преступления до приезда опергруппы. Потом не удержалась и сама вышла на площадку, чтобы еще раз взглянуть на убитого.

В пятиэтажке по Рабочей улице Клавдия Петровна Моисеева жила уже много лет, знала по имени-отчеству почти всех жильцов своего дома, да еще добрую половину двух соседних. Клавдия Петровна считалась активной пенсионеркой. Раз в неделю она, приодевшись и надувшись французскими духами, подаренными внучкой три года назад, шла в районную библиотеку, где собирались такие же, как и она, пенсионерки, которым не сиделось дома. Они гоняли чай, угощали друг друга домашним печеньем, обсуждали политические события, просмотренные телесериалы и в меру сплетничали.

И вот теперь, внимательно рассматривая неизвестного мертвого мужчину, Клавдия Петровна предвкушала, как поведает изумленным подружкам подробности этой жуткой и волнующей истории.

Покойник полулежал, привалившись к перилам, уронив голову на грудь. Лица не было видно, зато по светлой рубашке растекалось что-то темное. «Кровь», – поежилась Клавдия Петровна и впервые по-настоящему испугалась. На неизвестном был легкий льняной костюм светло-коричневого цвета и хорошие кожаные ботинки. Ни сумки, ни «дипломата» при нем не оказалось.

Минут через двадцать наконец-то хлопнула дверь подъезда и внизу послышались решительные грубоватые голоса:

– Без лифта, естественно. Какой там этаж? Третий? Ну и на том спасибо.

Через минуту перед Клавдией Петровной предстали два молодца. Нет, молодцом был только один – высокий, плечистый и симпатичный. Второй так себе – небольшого роста, ноги такие кривые, как будто он служил в конной милиции. Правда, голос приятный – низкий, с хрипотцой.

– Капитан Широков, – представился кривоногий обладатель приятного голоса. – Вы милицию вызвали? Ну, что тут у вас стряслось?

Обращался он к ней, но смотрел на лежащее на ступеньках тело. Клавдия Петровна объяснила, что у нее-то как раз ничего не стряслось. А стряслось вот у этого гражданина, фамилии которого она не знает, впервые в жизни видит, хотя, конечно, сочувствует его теперешнему положению.

Капитан недолго, но внимательно рассматривал мертвого мужчину, потом тяжело вздохнул и повернулся к своему помощнику:

– Ну, что тут будешь делать. Действуем согласно преискуранту. Похоже, дяде полоснули чем-то острым по горлу.

Потом он посмотрел на Клавдию Петровну:

– Так когда, гражданка, вы обнаружили тело?

Рассказав милиционерам, как она нашла убитого, и ответив на все их вопросы, Клавдия Петровна вернулась к себе и, уютно устроившись возле окна, с интересом стала наблюдать за тем, что происходит во дворе. У подъезда, несмотря на позднее время, уже успела собраться небольшая толпа любопытных, состоявшая по большей части из вездесущих пенсионеров.

– Граждане, пропустите, не толпитесь, не мешайте, – периодически покрикивал молодой напарник Широкова, которого капитан называл Колей. Коля Сидоренков уже вторую неделю проходил стажировку в УВД города. За это время у них с капитаном сложились вроде бы нормальные отношения, однако сейчас Коля немного нервничал, не очень представляя, чего ждет от него начальник в конкретной «боевой» обстановке. Поэтому он решил пока что на амбразуру без спроса не лезть и ждать указаний шефа. Когда приехали эксперты и криминалист, Широков велел Коле пройтись по квартирам, опросить жильцов, не видел ли, не слышал ли кто чего.

– Не грусти, лейтенант, а лучше привыкай. В этом и состоит суть нашей работы – перелопатив груды пустой породы, выловить в итоге песчинку информации. А народ у нас сам знаешь какой – либо наплетут невесть что, либо, наоборот, стараются не замечать того, что у них под носом творится. Так что давай отправляйся на розыски дополнительных свидетелей. Вдруг кого зацепишь. И не стесняйся спрашивать и по второму, и по третьему, и по четвертому разу. Кстати, зайти-ка еще разок и к нашей главной свидетельнице – она бабка толковая, может, припомнит какие мелочи.

Коля позвонил в квартиру Клавдии Петровны, и она открыла ему довольно быстро, вытирая руки ярким кухонным полотенцем.

– Аль забыли чего, молодой человек? – спросила она стоящего на пороге Колю.

– Извините, Клавдия Петровна, я просто уточнить зашел. Вспомните еще разок: когда вы домой возвращались, не встретился ли вам кто-нибудь по дороге – все равно, знакомый или незнакомый? Может, странным вам кто-то показался...

– Да нет, ничего такого я не видела. Разве вот, когда на дежурстве была.

– Где это – на дежурстве?

– В доме напротив я служу. Консьержкой. – Она сказала это с удовлетворением, потому что дом был элитным, там жили всякие важные персоны, и это обстоятельство отчего-то возвышало Клавдию Петровну в собственных глазах. – К Романчиковым приходили – раз, а поздно вечером девица незнакомая из подъезда выходила. Блондинка в красных штанах.

– Ну, кто из другого дома выходил, следствию неинтересно, – разочарованно вздохнул Коля.

– Вы спросили про незнакомых, я и сказала. А здесь-то нет, никого не встретила. Вошла в подъезд, а он и лежит.

Хотя блондинка в красных штанах к делу вроде бы не относилась, Коля решил на всякий случай расспросить о ней поподробнее. Конечно, трудно представить, что девушка могла бы таким способом расправиться со здоровым мужчиной – тут нужны и сила, и сноровка. Однако чем черт не шутит, вдруг потом эта информация как-то пригодится в расследовании, и тогда он, Коля, окажется со всех сторон молодцом.

– Ну а что там с этой блондинкой, как она выглядела? – спросил он старушку.

– Лет ей, наверное, тридцать или около того. Высокая, волосы длинные, белые – так раньше перекистью водорода красились. А одета она была в широкие красные брюки и светлый пиджак.

* * *

Клавдия Петровна уже укладывалась спать, когда в прихожей снова раздался звонок. Накинув халат и подойдя к двери, она посмотрела в «глазок», но на площадке никого не увидела. «Наверное, мальчишки балуются», – решила она и уже хотела вернуться в комнату, но почему-то вдруг передумала и, повернув ключ в замке, приоткрыла дверь. В ту же секунду что-то легкое и мягкое закрыло ей лицо. «Шелковый платок», – догадалась Клавдия Петровна. Она ничего не почувствовала – ни боли, ни страха. Ей показалось, что ноги ее оторвались от земли, и вся она как будто воспарила... Правда, не слишком высоко. Клавдия Петровна даже увидела себя со стороны: как будто она стоит и разговаривает с неизвестным ей молодым человеком. Только вдруг этот молодой человек превратился в белокурую девицу в красных штанах, ту самую, о которой она недавно рассказала милиционеру Коле. Клавдия Петровна удивилась, хотела что-то сказать, но не успела.

Незадолго до гастролей

Летняя ночь опустилась на город, придавив небо к самым крышам. Воздух был густым и теплым, как нежный суп, в котором плавали желтые кружки фонарей. Шеф-повар вышел на заднее крыльцо ресторана, чтобы смахнуть со лба пот и выкурить сигарету. Маленькое здание ресторана, снятого под гулянья, напряглось, словно готовая жахнуть пушка. Там, внутри, справляли юбилей молодого столичного театра «Тема». Юбиляры зажигали так, что на кухне подпрыгивали ножи и кастрюли. Шеф-повар несколько раз с опаской выглядывал в зал, чтобы своими глазами увидеть феерическое представление. Актеры куролесили вовсю, а главный режиссер, косматый и пьяный, носился по залу, как Посейдон по волнам, раздавая дикие приказания, на которые никто, естественно, не обращал внимания. Пили так много, что у официантов, открывавших бутылки, к концу вечеринки отваливались руки.

Для молодой актрисы Тани Прияткиной этот вечер оказался не самым удачным. Начать с того, что, собираясь на юбилей и наряжаясь в свое новое вечернее платье, она никак не ожидала превращения торжественного мероприятия в банальную попойку. Ко всему прочему в самый разгар веселья какой-то раздухарившийся толстяк вихрем пронесся мимо танцующей девушки и наступил на длинный подол ее очаровательного платья. Материя треснула, и Тане срочно пришлось ретироваться, чтобы хоть как-то привести свой наряд в надлежащий вид. Пока она возилась с иглой и ниткой, выданной ей сердобольной гардеробщицей, буря улеглась, выбросив на берег полуживой обслуживающий персонал и одно бесчувственное тело, которое принадлежало актеру первого состава Тихону Рысакову. Вернувшись в зал, Таня увидела, что музыканты уже собрали инструменты, а официанты с мутными от усталости глазами занялись уборкой. Почти все гости разошлись или же расплзлись по домам, и только возле разоренных столов, на полу, в груде скомканных салфеток, словно ангел в перьях, лежал Тихон Рысаков. У него был кроткий вид и растерзанная рубашка, которую, судя по следам помады, кто-то испуленно грыз.

– Это ваш? – строго спросил Таню бармен, возвышавшийся над стойкой. Бабочка под его подбородком агрессивно расправила крылья. У бармена был лысый череп и руки размером со свиные рульки. С полотенцем на плече он походил на боксера, который вместо ринга по ошибке забрел на кухню.

– Наш, – вынуждена была признать девушка, тяжело вздохнув.

Она невольно чувствовала ответственность за всеми забытого Рысакова, хотя какое же удовольствие возиться с пьяным? По правде говоря, Тане уже не раз доводилось видеть подвыпившего Тихона: в гримерке у него неизменно находилась бутылка коньяка и, опрокинув после очередного спектакля пару рюмок, он нередко засыпал прямо на стуле в какой-нибудь причудливой позе.

Подойдя к Тихону, Таня наклонилась и наотмашь ударила его сначала по одной щеке, потом по другой. Раздавать такие поистине королевские пощечины она научилась, играя главную роль в «Драме о любви и ненависти». Впрочем, на сцене ее партнер не лежал на полу кверху пузом, как околевший хомяк.

Тело не откликнулось на агрессию и не подавало признаков жизни. Если бы не сопение, вырывавшееся из мясистых ноздрей, можно было бы подумать, что Рысаков уже отошел в мир иной.

Таня попыталась приподнять Тихона за плечи, но сразу же поняла, что одной ей с этим делом не справиться – хотя коллега был маленьким и шуплым, но весил, казалось, целую тонну. По крайней мере, менеджер ресторана, который в конце концов вытащил его на улицу и пытался засунуть в такси, отдувался, пыхтел от натуги и ругался на чем свет стоит. Рысаков странно раскорячился, и засунуть его в салон автомобиля оказалось делом непростым. Желтое

лакированное такси нетерпеливо пофыркивало, мечтая поскорее рвануть с места и унести прочь, однако мертвецки пьяное тело никак не хотело складываться и цеплялось руками и ногами за что ни попадя.

– Руку, руку ему загни! – командовал таксист менеджеру, с интересом наблюдая за возней, происходившей за его спиной, но даже не пытаясь помочь. – А теперь ногу заноси, он каблуком зацепился!

В конце концов Рысакова удалось запихнуть на заднее сиденье, и он развалился там, довольно похрюкивая. Тане ничего не оставалось делать, как продолжать играть роль ангела-хранителя.

– Ну что ж, поехали, – обреченно сказала девушка, усаживаясь рядом с водителем, и назвала свой адрес.

Рысаков на заднем сиденье всхрипнул и с чувством почмокал губами.

– Надо же как назюзюкался, – весело сказал шофер, выезжая со стоянки и быстро набирая скорость. – Ох, башка у него завтра будет, как чугунная чушка. Придется вам его лечить...

– Вот еще! – возмутилась Таня. – Хватит и того, что я его из-под стола вытащила.

Водитель рассмеялся и искоса взглянул на свою пассажирку. Хорошенькая, сил нет! Лет двадцать пять, не больше, огромные глаза, короткие темные волосы с перепутанными прядками, острый носик... Она не могла не понравиться, хотя заигрывать с ней он бы не рискнул. По выражению глаз, по манере держаться, по уверенному тону – по всему чувствовалось, что у этой дамочки стальной характер. Она как та подлая конфета, об которую он недавно зуб сломал – грильяж называется. Снаружи выглядела шоколадной, а внутри оказалась твердой, как кусок бетона.

За окнами проплывала старая улица с округлыми поворотами. Неожиданно поднялся ветер и понесся навстречу автомобилю, припечатав к лобовому стеклу смятый конфетный фантик. Липы, прикованные решетками к земле, грозно затрясли гривами. По крыше забарабанил дождь, и Таня зябко передернула плечами. Рысаков на заднем сиденье громко икнул.

– Он на одного артиста здорово похож, – поделился шофер своим наблюдением. – На этого... из сериала «Совы – ночные птицы». Самого прикольного, маленького. Карлика-вампира! Ну, как его фамилия-то? А, Рысаков! Тихон Рысаков, вот.

– Это и есть Тихон Рысаков, – мрачно заметила Таня.

Не то что бы она хотела унизить любимца публики перед ценителем его таланта. Просто вскоре они окажутся на месте, и любимца придется каким-то образом транспортировать на третий этаж. Без помощи крепкого мужчины тут вряд ли обойдешься.

– Нет, правда? – Шофер ей сразу же поверил и так взбудоражился, что едва не въехал в пустую автобусную остановку.

– Правда, правда, – подтвердила Таня, волнуясь. – Только вы на дорогу смотрите, а то угробите достояние страны.

– А можно у него будет автограф попросить? – с воодушевлением спросил шофер, поглядев в зеркальце заднего вида. Вероятно, надеялся получше разглядеть своего кумира.

– Попросить-то можно, – ответила пассажирка. – Только вряд ли он даст. По-моему, он сейчас не в состоянии даже крестик нарисовать.

Тем временем дорога привела их к Таниному дому. Заведя машину во двор, таксист лихо подрулил к указанному подъезду, выключил мотор и сам вызвался дотащить Рысакова до квартиры.

– А вы его жена? – спросил он, сверкнув на Таню восторженными глазами.

– Коллега. Я с вечеринки уходила последняя, а он лежал на полу, – объяснила она. – Не могла же я его бросить.

На улице было холодно и противно. Фонарь, торчавший напротив подъезда, казался лейкой, из которой всюю поливали двор. Ветер неистовствовал где-то наверху, и по небу тащи-

лись тучи, похожие на огромные китобойные корабли. Между ними, то появляясь, то исчезая, билась загарпуненная луна.

Таня сразу стала мокрой, как будто только что выкупалась прямо в одежде. Платье противно липло к телу, а прическа погибла безвозвратно. Извлеченный из салона и поставленный на нетвердые ноги Рысаков разлепил веки и посмотрел по сторонам изумленным младенческим взором. Потом, раскрыв рот и высунув язык лопаткой, попытался поймать летящие сверху капли, помотал головой и с пафосом заявил:

– Жизнь дается человеку для того, чтобы он утолял жажду! – И сразу наострился упасть лицом вниз.

Однако шофер был начеку. Он присел, подхватил Рысакова и ловко повесил его себе на плечо. Голова пьяного оказалась у него за спиной, а зад обратился к небесам.

По мостовой несся пузырящийся поток воды и, яростно ворча, уходил в забранный решеткой водосток. Таня поскакала к подъезду открывать дверь, шофер, тяжело ступая, двинулся за ней.

– А вы смотрели мое кино? – громко и нагло спросил талант у своего поклонника и требовательно стукнул того кулаком по почкам.

– Смотрел, смотрел, – ответила за шофера Таня, мечтавшая как можно скорее оказаться дома.

– Я играл вампира! – продолжал разглагольствовать Рысаков. – Стра-а-ашного вампира! У которого были огро-о-омные зубы...

Он попытался укусить шофера за пиджак, пропитанный тяжелым табачным духом, но не преуспел и только больно проехался носом по сукну.

Открыв дверь квартиры, Таня включила свет, скинула босоножки и прошлепала в комнату, показывая, куда свалить тело. У шофера оказались растоптанные ботинки с узкими носами, после них на паркете остались грязные следы, похожие на сигары. Плату за дополнительный подъем груза на третий этаж он брать категорически отказался. И еще некоторое время топтался возле дивана, разглядывая Рысакова с умилением матери, только что убаюкавшей любимое чадо.

– Надо же, – приговаривал он, призывая Таню в свидетели. – Живой артист! Собственной персоной! Мне он больше всех в сериале понравился. Я просто живот надорвал, когда он на мосту пытался старушку закусать, а она его по голове сумкой била! И он свалился в воду, а потом на катер влез и одного туриста себе приглядел, а тот оказался иностранцем и все повторял «ду ю спик инглиш»? Помните?

– Помню, – сказала Таня, у которой от холода зуб на зуб не попадал, а потом коварно добавила: – Знаете, я беспокоюсь. У вас там машина двор перегородила...

Таксист мигом испарился, и Таня, чертыхаясь, тут же бросилась сдирать с себя мокрое платье. Потом она сделала попытку раздеть Рысакова, волнуясь, впрочем, не только за его здоровье, но и за свой промокший диван. Тихон, однако, раздеваться категорически не хотел. Сначала он просто вяло сопротивлялся и что-то сонно бормотал, однако, оставшись без штанов, принялся неожиданно резво лягаться, вероятно, защищая свою честь. Получив пяткой в живот, Таня плюнула на него и отправилась в душ. Когда она вернулась, ее незванный гость крепко спал, трогательно свернувшись калачиком. Она накрыла его толстым одеялом и погасила в комнате свет.

Было уже позднее утро, а Таня все никак не могла проснуться. Разбудил ее настойчивый звонок в дверь, и сколько девушка ни накрывала подушкой голову, отделаться от назойливых переливов ей так и не удалось. Охнув, она села на постели и потерла лицо ладонями, чтобы поскорее прийти в себя. Потом накинула халат и полетела открывать. Попутно она заметила,

что Рысакова на диване нет, зато из ванной комнаты доносился шум льющейся воды. В воздухе витал легкий похмельный запах.

– Кто там? – машинально спросила Таня, не заглядывая в «глазок».

– Это я, – ответил знакомый голос, и с Тани мгновенно слетели остатки сна. За дверью стоял Таранов! Тот самый тип, который ровно год назад разбил ее сердце.

Впрочем, как выяснилось, сердце у нее было штук сорок, не меньше. Потому что всякий раз, стоило ей вспомнить о подлой измене Таранова, очередное сердце подпрыгивало в груди, а потом шарахалось оземь и разлеталось на крошечные осколки.

«Господи, сегодня же пятое число, – подумала Таня. – Пятое... Год назад именно пятого числа *это* и случилось. Юбилей, так сказать».

– Тань, открой, пожалуйста, – попросил из-за двери невидимый Таранов. – Это ужасно важно.

Она глубоко вздохнула, решительно распахнула дверь... и увидела огромный букет роз, скрывавший неожиданного гостя.

– Привет, – сказал гость, выныривая из цветочных зарослей. Букет оказался колючим, свежим и источал сладостный аромат, который всегда сводил Таню с ума. Равно как и его даритель.

Хотя в это утро Алексей Таранов выглядел не самым лучшим образом. Было очевидно, что накануне он провел бессонную ночь: под глазами у него залегли лиловые тени, светлые волосы были взъерошены, короткая щетина пробивалась неровными клочьями. Впрочем, такому лицу практически всё было нипочем – слишком обаятельная улыбка, слишком волевой подбородок, слишком много вдохновения в глазах.

Вероятно, талант вписали в метрику Таранова вместе с именем и фамилией. В театральный его приняли сразу на второй курс, на работу взяли в знаменитый московский академический театр. Правда, старая гвардия держала его на вторых ролях, отчего-то полагая, что настоящий артист может состояться только годам к сорока-пятидесяти. Но Таранов мог сыграть всякие там «кушать подано» и третьих стражников так здорово, что зрители сразу же верили – именно здесь скрыт гениальный режиссерский замысел, именно эта роль одна из ключевых в спектакле. Таня всегда открыто и искренне восхищалась его талантом. В те редкие дни, когда Лешка все же впадал в уныние, она старалась всеми силами поддерживать его оптимизм и уверенность в себе. Сама она ни на секунду не сомневалась, что не за горами тот день, когда Таранов хлопнет дверью и уйдет к нормальному, современному режиссеру в популярный продвинутый театр. «Вот тогда, – мстительно размышляла Таня, – эти замшелые «академики» поймут, какое сокровище потеряли, станут локти кусать, да поздно будет».

Впрочем, все это было давно, очень давно. До ледникового периода. До коварной измены.

– В квартиру-топустишь? – спросил Таранов небрежным тоном и задрал одну бровь.

– Заходи, – разрешила Таня после секундного колебания и пропустила его в коридор.

Он вошел и сразу же увидел мужские ботинки – ботинки Рысакова. Несмотря на маленький рост, лапа у этого типа была сорок последнего размера. Кроме того, он обладал довольно мощным баритоном, и именно сейчас ему пришлось в голову попеть. Шум льющейся воды и мужские рулады, доносящиеся из ванной комнаты, разрушили все планы Таранова. Настроение у него явно испортилось. Он испепелил рысаковские башмаки взглядом, потом криво усмехнулся и сказал:

– Вообще-то я пришел мириться, но теперь раздумал. Так что прими цветочки в знак нашей былой привязанности, позволь поцеловать ручку, и я отчаливаю!

– Ты всерьез надеялся, что я стану с тобой мириться? – гневно воскликнула Таня, пристроив тем не менее розы на тумбочку. – После того, что ты сделал?!

– Ничего такого я не делал, – сварливо заявил Таранов и яростно потер щетину на подбородке. – Ты даже ни разу не удосужилась меня выслушать! Я сразу мог бы всё тебе объяснить.

– Сразу – это когда я застучала тебя в постели с голой мымрой? – саркастически воскликнула Таня. – Именно после этого я должна была тебя слушать?!

– Ты ничегошеньки не поняла, – нагло заявил Таранов и посмотрел на нее бестрепетным взглядом. – Вернее, ты поняла все неправильно.

– Да что там было понимать-то?! – едва не задохнулась от возмущения Таня. Она так разозлилась, что на минуту даже забыла, сколько слез пролила за этот год, оплакивая свою подло обманутую любовь. – Утром ты делаешь мне предложение, а вечером я нахожу тебя в чужой постели! К тому же не в чьей-нибудь, а в постели этой тощей дуры Регины!

– Еще немного, и ты лопнешь от злости, – спокойно заметил Таранов. – У меня была надежда, что мы поговорим по-человечески, но, судя по всему, ты еще недостаточно остыла, чтобы разговаривать цивилизованно.

– Я не кастрюля, чтобы остывать со временем!

– И вообще, можно подумать, что если бы ты нашла меня в постели какой-нибудь другой женщины, ты расстроилась бы меньше.

– Иди ты к чертовой бабушке со своими рассуждениями!

– Значит, ты снова отказываешься меня выслушать? Ну пойми ты – это ведь была чистая случайность.

– Расскажи это своей старой шляпе! Случайно можно провалиться в канализационный люк или сесть не в тот автобус. А не в ту постель случайно не попадают.

Тем временем Рысаков выключил душ и полез из ванны, теребя пластиковую занавеску, ойкая и чертыхаясь. Потом он несколько раз кашлянул, прочищая горло, и заунывно затянул:

– Кони мои, конюшки, во зеленом полюшке...

Таранов поморщился и, поцокав языком, сказал:

– Паршиво поет. – Таня вдохнула полной грудью, собираясь прокомментировать его замечание, но он быстро добавил: – Ладно, ладно, у него наверняка полно других достоинств. В общем, ты не желаешь выслушать версию потерпевшей стороны?

– Это ты – потерпевшая сторона?!

– Конечно. Я лишился любимой женщины. Разве это не повод для расстройства?

Щеки Тани запыхали, но она постаралась поскорее взять себя в руки.

– Спасибо за цветы. И до свидания, – звонким голосом сказала она.

В глазах Таранова появилась досада.

– Надеюсь, ты не забыла про антрепризу? – спросил он. – В ближайшее время нам с тобой предстоит довольно часто встречаться. На сцене.

Услышав слово «сцена», Таня почему-то сразу же вспомнила о своем внешнем виде. Боже, на кого она, должно быть, похожа! Этот халат, волосы торчком... Однако злость на Таранова тут же вытеснила из ее головы все глупые мысли, и она снова ринулась в бой.

– Ах, вот почему ты явился мириться! Боишься, что наша ссора помешает твоей работе... Не волнуйся, если по ходу пьесы тебя должны будут застрелить, я не подменю пистолет на настоящий.

– Я пришел совсем не из-за работы, и ты это прекрасно знаешь.

Таранов пристально посмотрел ей в глаза, и Таня немного смутилась. Его открытый и твердый взгляд всегда выводил ее из состояния душевного равновесия. Возможно, еще немного, и она бы пошла на попятный... Но тут из ванной комнаты донеслось звяканье флаконов, и уверенный голос завел: «Конюшки, коняши, у моей Марьяши серые глаза-а-а...»

– Перестань петь, ради бога! – в сердцах прикрикнула Таня на запертую дверь.

В ванной повисла настороженная тишина. Потом там пустили тонкой струйкой воду и зашуршали пакетами.

– В последний раз спрашиваю, – процедил Таранов. – Ты выслушаешь мою версию?

Но момент уже был упущен, и Таня снова закусила удила.

– Я не суд, чтобы выслушивать различные версии, – упрямо ответила девушка, твердо встретив его взгляд. – Я живая и очень эмоциональная. И я тебя предупреждала, что единственное, чего я не смогу простить, – это измены.

– Но я тебе не изменял!

– Вероятно, это был твой брат-близнец.

– Меня напоили водкой, я был не в себе.

– Да-а? А мне ты не показался пьяным. По крайней мере, ты выглядел вполне вменяемым и мог отвечать на вопросы. Когда я вошла в номер, ты довольно бойко со мной пообщался.

– Это еще ничего не значит!

– Уходи.

Она открыла дверь и встала так, чтобы Таранов понял – его выставляют.

– Жаль, – сказал тот и пожал плечами. – Можно было бы спасти замечательные отношения. Однако раз ты не хочешь...

– Не хочу, – подтвердила Таня.

– Ну, ладно... Раз так... – Было видно, что теперь Таранов не на шутку разозлился. – Только не приходи потом с извинениями. И запомни: сегодня ты сама захлопнула дверь перед своим счастьем.

Когда он злился, у него белели крылья носа. Так, с побелевшим носом, он выскочил за дверь и помчался по лестнице, чуть не сбив с ног ошарашенную его импульсивностью соседку.

Таня закрыла за ним дверь и осталась стоять в коридоре. Она смотрела на яркие головки цветов, и их нежный запах казался ей ядовитым. Слезы отчаяния подступили было к глазам, но тут снова раздался голос Рысакова.

– Ой, то не вечер, то не вечер, – осторожно пропел он. – Мне малым-мало спалось...

– Спалось тебе отлично, дружок! – крикнула Таня, подходя к запертой двери. – Хватит полоскаться, выходи.

– Иду, – быстро ответил Рысаков и через паузу неуверенно добавил: – Милая.

Таня хмыкнула. Вероятно, проснувшись, Тихон увидел на спинке кресла брошенные предметы дамского туалета и теперь пытался прояснить для себя, какие подвиги совершал ночью.

Предаваться отчаянию в присутствии Рысакова Таня не собиралась, поэтому, тряхнув головой и упрямо вздернув подбородок, она решительно направилась в кухню, достала большую стеклянную вазу и небрежно засунула в нее тарановский букет.

Наконец дверь ванной комнаты распахнулась и на пороге появился ее незванный гость. Физиономию его украшал такой фингал, как будто ему засветил в глаз чемпион мира по боксу.

– Боже мой! – воскликнула потрясенная Таня, уверенная в том, что вчера фингала не было.

– Боже мой! – в унисон ей воскликнул Рысаков, решив, что провел ночь с красавицей Прияткиной, но ничего об этом не помнит.

Последовало бурное объяснение, в результате которого в голове Тихона все наконец-то встало на свои места.

– Значит, я напился, – констатировал он.

– Напился, – подтвердила Таня.

– В дым?

– Еще хуже. До потери сознания.

– И меня оставили лежать на полу?

– Вот именно.

– Гнусные типы.

С некоторых пор Тихон стал подозревать, что коллеги его недолюбливают, и подозрения его были не беспочвенны. В свое время Рысаков сделал выбор в пользу многосерийного детек-

тива про вампиров и почти на два года исчез из театра. Вернувшись в труппу, посматривал на всех свысока, как бы напоминая о своем звездном статусе. Теперь про него писали глянцевые журналы, он стал героем светских хроник, фотографы исправно снимали его на всевозможных презентациях. Правда, пока что в кино Тихона больше не приглашали, но он все время ждал, что вот-вот пригласят.

От этого ожидания, а еще от страха, что оно может не оправдаться, характер у Рысакова испортился. Когда Таня недавно сказала ему об этом, он с жаром возразил: «Да брось ты! Я и раньше был не подарок».

– Интересно, а как ты втащила меня на третий этаж? – с любопытством спросил Тихон, выглядывая из окна во двор. После попойки ему всегда хотелось знать, что творится в мире.

Мир был по-летнему чудесен. По двору бегали горластые дети, за ними – хвост баранкой – носился одуревший от счастья пес. Зелень после ночного дождя казалась изумрудной. Скупое солнце стояло в небе, отмеряя дневную дозу тепла.

– Тебя втащила народная любовь, Тиша, – ответила Таня и предложила: – Хочешь, яичницу поджарю? С грудинкой и помидорами?

Рысаков жутко обрадовался перспективе вкусно позавтракать. Пока Таня хлопотала у плиты, он постоянно втягивал носом воздух и облизывался.

– Водка стерилизует кишки, – заявил он, принимаясь за угощение. – Прочищает их, как ершик водопроводные трубы. Поэтому наутро есть хочется зверски.

Таня, зачерпнув ложкой йогурт из баночки, возразила:

– Не стоит идеализировать свои пороки. Никакой пользы от твоей водки нет. Один вред.

– Это ты из-за Таранова так говоришь, – хмыкнул Тихон. – Всем мужикам водка на пользу, а ему – во вред. Но он просто исключение из правил, потому что у него от водки свое особое помешательство. Такое бывает у одного из миллиона! А может, и из миллиарда.

Таня проглотила йогурт и небрежно бросила ложку на стол:

– Какое *особенное* помешательство? – сердито спросила она. – У пьяных мужиков помешательство всегда одно и то же!

– Ты что, правда не в курсе? – пробормотал Тихон, смачно чавкая и подбирая корочкой черного хлеба оставшуюся в тарелке вкусную жижу.

– В курсе чего?

– В курсе того, что у Таранова огромные проблемы с водкой.

Поскольку Таня тяжело молчала, глядя на него в упор, он быстро продолжил:

– Не с алкоголем, девушка, успокойтесь! Вино он может пить литрами. И от ликера с ним ничего особенного не случается. И коньяк этот парень очень даже уважает, и ром... Нет, ну в меру, конечно... Да кому, блин, я все это рассказываю! Ты небось лучше всех знаешь – у тебя же с ним роман был! Долгий и упорный. Ты что, мне не веришь? Тогда вспомни ту заварушку на гастролях. Ну, первая наша антреприза с Будкевичем в прошлом году, ты что, забыла? Тогда Регина Лешке в крюшон как раз водки подлила...

Увидев окаменевшее лицо девушки, Тихон перестал жевать, и в глазах его отразилась тяжелая работа мысли.

– Погоди-погоди, – пробормотал он и помотал головой, чтобы окончательно очистить затуманенное похмельем и сытной едой сознание. – Вы же как раз после того случая и разбежались... Ты что, подумала, будто он тебе изменяет?!

Таня смотрела на него во все глаза. Еще не до конца разобравшись в ситуации, она уже чувствовала, что случилось нечто ужасное.

– Не верю! – патетически воскликнул эмоциональный Тихон и вскочил с места, едва не опрокинув табуретку. – Не верю, что ты ничего не знала!

Потом он подался вперед, опершись руками о стол, и приблизил к Тане раскрасневшуюся физиономию.

– Ты бросила бедолагу Таранова только потому, что он оказался в постели у Регины?! И тебе никто ничего не объяснил?!

Ей никто ничего не объяснил. Ей никто ничего *не смог* объяснить, потому что она не позволила. Ни Будкевичу, ни своей подруге Белинде... И уж тем более – самому Таранову. Она была раздавлена случившимся. Она была в гневе, который затмил ее разум. А уж если Татьяна упрется... Перед ее упрямством пасовали все – она просто не желала никого слушать. Любое объяснение казалось ей жалким и оскорбительным. Да-да, вот именно – оскорбительным.

Таня сделала глубокий вдох и произнесла с детским вызовом:

– Я все видела своими глазами!

– Боженьки, да что ты видела?! – продолжал фонтанировать Тихон. Он снова уселся на табуретку, но вид у него по-прежнему был воинственным.

– Я видела Таранова под мышкой у Регины. Они оба лежали в ее постели.

– Это был не Таранов, – решительно заявил Тихон. – Выпив глоток водки, Таранов превращается в зомби, безропотно повинующегося приказам своего хозяина. И тогда с ним можно делать все, что угодно, – хоть в повозку запрягать, хоть в багаж сдавать. Вообще-то это страшная тайна, но уж ты-то должна была ее знать. Сам я узнал случайно. Наверное, эта сволочь Регина тоже как-то пронюхала. Слушай, а помнишь, вы с ней однажды на репетиции вдрызг разругались? Может, она решила тебе так отомстить...

– И это ей удалось, – прошептала Таня, глядя сквозь Тихона невидящим взором.

– А ты знаешь, что наутро Лешка абсолютно ничего не помнил? – азартно продолжал атаковать «личный адвокат» Таранова, но потом притормозил и задумчиво почесал макушку: – Хотя, честно говоря, я тоже сегодня утром ничего не помнил... Ну да ладно, не обо мне речь, – снова встрепенулся он. – В общем, когда наутро Лешке рассказали, что ты ворвалась в номер и устроила сцену, он из Регины чуть душу не вытряс. А эта стерва только смеялась.

– Наверное, ей действительно было смешно.

– Тань, вот скажи мне, почему бабы такие выдры? Ну, не поделили вы роль, зачем мужика-то унижать? Лешку так переколбасило! Но я все же не думал, что вы именно из-за этого разбежались. Думал, просто характерами не сошлись. Так обычно в делах о разводе пишут. У меня в отношении разводов опыт просто гигантский – я до сегодняшнего дня три раза женат был, прикинь? И все три жены были выдрами. Красивыми и зубастыми. Эти хищницы меня практически разорили. Последняя вообще все вещи до одной из дому вынесла. Даже яблоки из холодильника выгребла, представляешь?!

Тихон на минуту замолчал, а потом с жаром воскликнул:

– Слушай, я вот что сейчас подумал: хорошо, что я вчера напился как свинья, и что ты меня с собой забрала, и что я тебе глаза открыл на тот случай. Это был перст судьбы! – И наивно добавил: – Может, вы теперь с Лешкой помиритесь и будете жить долго и счастливо.

– Это вряд ли, – пробормотала Таня, перед глазами которой стояло обозленное лицо Таранова. Весь их сегодняшний разговор вихрем пронесся у нее в голове, и она окончательно пала духом.

Когда Рысаков насытился окончательно, Таня прогнала его домой. Ей страстно хотелось остаться одной и обо всем как следует поразмыслить. Запирая за Тихоном дверь, она уже дрожала как в лихорадке. Походив по комнате, Таня поддалась порыву – достала мобильный телефон и набрала знакомый номер.

Таранов сразу ответил на звонок, но даже слушать ее не стал.

– Все, разговор закончен, – твердо заявил он. – Я сегодня унижался в последний раз. Снова хотел дать тебе шанс помириться, но твое упрямство, конечно, превыше всего. А я не какой-нибудь Петрушка, чтобы меня за веревочки дергать. Пожалуйста, не звони мне больше. С этого момента у нас только рабочие отношения. Как к коллеге, обещаю относиться к тебе

уважительно, но как женщина, ты для меня больше не существуешь. Если бы ты действительно меня любила, ты бы меня выслушала. И поверила...

Он отключился, а у Тани задрожал подбородок. Бедолага упала на диван, зарылась лицом в подушки и разревелась от всей души. Именно в этот момент кто-то бодро принялся звонить в дверь.

– Господи, когда меня наконец-то оставят в покое? – воскликнула девушка, решив, что сейчас увидит перед собой соседку или почтальона. – Кто там? – крикнула она, вытирая нос рукавом и потуже затягивая пояс халата.

– Открывай без разговоров! – донесся до нее голос подруги Белинды. – Еда пришла.

Таня потянулась к замку, и через секунду на пороге возникло чудное видение: рост – метр с кепкой, красно-рыжая копна волос, юбочка, скорее напоминающая набедренную повязку, и босоножки на высоченной платформе. В руках видение держало бумажный пакет и прижимало его к животу.

Удивительно, но при всем минимализме облика внушительное имя Белинда прилепилось к Белле Ярцевой накрепко. Они с Таней почти одновременно пришли работать в театр «Тема», сразу же познакомились и подружились, хотя и принадлежали к разным цехам. Таня – к актерскому, а Белинда – к гримерному.

– У-у! – протянула гостя, оттолкнув хозяйку квартиры плечом и ввалившись внутрь. – Так я и знала. Отмечаем день скорби? А у тебя сегодня пробы, между прочим.

– Я знаю, знаю, – с отчаянием в голосе бросила Таня, пытаясь пригладить волосы обеими руками.

Волосы торчали в разные стороны, как у малолетнего хулигана, хотя глазастой Тане короткая стрижка очень шла.

– Немедленно причешись, – приказала Белинда. – Ты похожа на ежа в предынфарктном состоянии. И умой фейс. Я тебе сырники принесла, сейчас будем кофе пить.

– Где ты взяла сырники? – поинтересовалась Таня, по-детски шмыгая носом.

– Изготовила их собственноручно, из творожной массы. Получилось безумно сладко, а внутри – изюм. И вообще – какая тебе разница? По наблюдениям психологов, страдающие женщины едят все подряд – вкуса они все равно не замечают. Так что ты, судя по всему, тоже ничего не заметишь. Слушай, да ты собираешься приводить себя в порядок или нет? Ходить днем в халате имеют право только будущие матери и бывшие жены. А ты пока что ни то ни другое.

Белинда обладала командным голосом и повелительным взглядом. «Такой шмакодявке, как я, без этого в жизни не обойтись. Нужен характер», – объясняла она, когда ее в очередной раз пытались смягчить или утихомирить.

– Иду, иду, – проворчала Таня и отправилась в ванную.

Посмотрев в зеркало, она увидела свою угрюмую физиономию, которая ей категорически не понравилась. Страдать в одиночестве, ощущая себя обманутой, покинутой и несчастной, было, признаться, даже упоительно. Однако с появлением подруги настроение как-то сразу изменилось, и упоение ушло безвозвратно. Криво улыбнувшись своему отражению, Таня решила прекратить все эти вологодские страдания и снова «вернуться в семью, в коллектив, в работу». Она быстро умылась ледяной водой, почистила зубы и пригладила волосы щеткой. Вновь обретя после этих несложных процедур душевное равновесие, Таня предстала пред светлы очи подруги.

Белинда сидела за кухонным столом и пила кофе. На тарелке перед ней высилась масляная горка сырников. Сверху повараха щедро и неаккуратно полила их сметаной. Красиво сервированный стол она считала «буржуйством», искренне презирая вазочки, соусницы и менажницы.

– Пять минут под горячим душем и хороший крем для лица творят чудеса, – констатировала Белинда и с сожалением добавила: – Сегодня чуда не произошло. Ты выглядишь отвратительно.

– Что, правда?

– Кривда. И ты еще говорила, что покончила с прошлым.

– Покончила, – заверила ее Таня, засунув сырник в рот. – Мм, вкусно!

– Я помню, какой сегодня день. Год назад вы с Тарановым разругались окончательно и бесповоротно. Интересно, он сегодня в таком же состоянии?

– Мне все равно.

– Разумеется! Тебе настолько все равно, что ты даже не беспокоишься об орудии производства. – Таня посмотрела на нее вопросительно, и Белинда пояснила: – О физиономии своей, я имею в виду. Вот как ты сейчас поедешь?

– Не знаю, – промямлила Таня. – Что-нибудь придумаю.

– Тебе ведь предлагают не роль Марфушеньки-душеньки, которая только к финалу превращается в принцессу. Ты с самого начала должна быть конфеткой, чтобы соблазнить... кого ты там должна соблазнить?

– Мужа главной героини. Миллионера и красавчика.

– Вот видишь. А сейчас на тебя не клонет даже слабовидящий сторож консервного завода.

– Не ругай меня. На самом деле я решила не участвовать в пробах.

– С какой это стати? – спросила Белинда, облизывая пальцы.

Ногти у нее были длинными и крепкими. Ярко-красный лак символизировал женское господство над миром вещей, с которым Белинда находилась в состоянии непрекращающейся войны. Благодаря оптимизму, упорству и дерзости каждое дело эта энергичная женщина доводила до конца, однако в ходе боевых действий часто несла невозполнимые потери. Она азартно мыла посуду, но при этом обязательно разбивала чашку. О сумку старушки-соседки, поднятую к лифту, рвала новые чулки. В ее руках разваливались кофемолки и мобильные телефоны. Из зонтов вылетали спицы, а в застежки-«молнии» попадали шарфы и воротники. Однако Белинда не верила в неудачи и вела себя как полководец, отдавая распоряжения, исправляя, починяя и зашивая. Зато в профессии ей не было равных. В гримерке у нее царил идеальный порядок. Все вещи здесь были приручены и благоговели перед своей хозяйкой.

– Я сегодня хотела помириться с Тарановым, – вместо ответа сказала Таня.

Белинда от неожиданности поперхнулась последним куском сырника.

– Чего? – просипела она, откашливаясь. – Чего ты сейчас сказала?

– Лешка приходил сюда утром. Вон, цветочки принес, – Таня мотнула головой, указывая подбородком на вазу с крепкими розами. – Я его выгнала. Потом опомнилась, стала звонить, а он...

– А он? – переспросила Белинда, расширив глаза.

– А он сказал, что поезд ушел. И что теперь он будет общаться со мной только как с коллегой. И отключил связь.

– Ха! – воскликнула Белинда торжествуя. – Это значит, что еще не все потеряно. Когда мужчина хочет тихо слинять, он не делает громких заявлений. А если он говорит «баста!», это означает, что все только начинается. Держи хвост дудкой! Нам предстоят большие гастроли.

* * *

Им действительно предстояли большие гастроли. Им – это маленькой антрепризной труппе, состоящей из семи артистов, администратора, осветителя и гримера. Ради экономии средств Белинда исполняла еще и обязанности костюмера.

Гастроли организовал Алексей Владимирович Будкевич, для своих – Алик. В прошлом – заслуженный артист, он неожиданно для многих обнаружил еще и талант администратора, превратившись в оборотистого, цепкого и успешного продюсера. Так или иначе, но именно Будкевич собрал этот небольшой коллектив из актеров, которых знал лично, и предложил им рвануть в провинцию на заработки. Таню Прияткину он пригласил на главную роль. Ему была очень симпатична эта девочка. Главное, она умела ладить с людьми, потому что не была ни заносчивой, ни злопамятной. Она боготворила свою профессию, прекрасно знала цену тяжелому актерскому ремеслу и адекватно относилась ко всему происходящему в театральном мире, включая стремительные взлеты и такие же скоростные падения. Хотя главных ролей у нее было пока что не слишком много, Таня относилась к данному факту вполне философски, не слишком переживая и не принимая участия в закулисных склоках. Эффектная брюнетка с прекрасной фигурой, она никогда не пускала в ход это грозное оружие, чтобы добиться новой роли или зарубежных гастролей. В общем, Будкевич был рад, что Таня согласилась участвовать в его предприятии, хотя нетрудно было догадаться, чего ей это будет стоить – о ее скандальном разрыве с Тарановым было известно каждому.

Накануне гастролей

– Дети мои, – заявил Будкевич на собрании, посвященном выезду новоиспеченной труппы на гастроли. – Если у большинства населения начались каникулы, то у нас с вами – страдная пора. Не мне вам рассказывать, что жалование за вашу безупречную службу в театрах не имеет права называться таковым в силу своей мизерности. Что остается творческому человеку, дабы не умереть голодной мучительной смертью и не бегать голым по улицам столицы? Телевизионные сериалы, озвучивание и, естественно, антреприза. Я бы даже сказал – в первую очередь антреприза. К тому же я не разделяю известную теорию о том, что актер должен быть голодным. В создании сценического образа должна участвовать душа, а не желудок.

«Дети», двое из которых были значительно старше Алика, внимали идейному вдохновителю и организатору проекта молча и не очень внимательно. Таня, всегда опаздывавшая на официальные мероприятия, сидела позади всех и украдкой рассматривала присутствующих. Все ей здесь были знакомы, потому что в прошлом году они уже выезжали с антрепризой практически в том же составе. Гастроли удались, поэтому Будкевич, который думал исключительно о деле и об успехе своей затее, снова пригласил всю прошлогоднюю труппу участвовать в нынешнем турне. На личных чувствах своих актеров Алик постарался не заикливаться, а посему сегодня, помимо Тани, тут были и Таранов, и Регина. Регина сидела в первом ряду, закинув ногу на ногу и томно положив руку на спинку пустого соседнего кресла. Время от времени она поворачивала голову, бросая на Таню ленивые и откровенно насмешливые взоры. Еще бы! Она до сих пор оставалась победительницей и надеялась, что так будет всегда. Где ей было знать, что Таня уже приняла решение во что бы то ни стало помириться с Тарановым. Конечно, учитывая последние события, ей придется сильно постараться, пофантазировать... Тем не менее в успехе Татьяна не сомневалась – они с Тарановым обязательно будут вместе!

Алексей издали кивнул ей – коротко и довольно холодно. Выполнял свое обещание относиться к ней, как к коллеге. Ну что же, другого она и не ждала, а потому не стала понапрасну огорчаться.

Вчера состоялся генеральный прогон спектакля, последний перед предстоящей поездкой. И вот теперь Будкевич перед небольшим коллективом актеров, приглашенных в антрепризу из разных театров, наносил на почти готовую картину грядущих гастролей последние мазки.

«Почему гастроли для актеров – праздник непослушания какой-то? – размышляла Таня, глядя на расслабленные, довольные лица коллег. – Взрослые люди, а как будто не на работу, а на курорт едут – так все невероятно оживлены. Как будто им дома мешают куролесить – выпивать, флиртовать и заводить романы. Видимо, смена обстановки и в самом деле помогает раскрепоститься. Впрочем, не все находятся в состоянии эйфории», – тут же подумала она, взглянув на супружескую чету, сидящую от нее наискосок.

Чего стоила одна Мария Кирилловна Яблонская, народная, между прочим, артистка. В прошлом – опереточная дива, которая с возрастом легко перешла на ампула благородных старух. В театре ее за глаза называли Маркизой, и это ей очень шло – горделивая посадка головы, сложные прически, эффектная седина. Говорила Маркиза громко, голос у нее был поставлен очень хорошо, а интонации завораживали. Характером она обладала довольно агрессивным, любила во все вмешиваться, а в мелочах была дотошна до занудства. В настоящий момент Маркиза засыпала руководство животрепещущими вопросами.

– Алик, надеюсь, нас поселят в приличном месте? Или мы будем жить в клоповниках, где можно спать только стоя? И насколько широка реклама? Надеюсь, население нас ждет?

– Население, Маня, сосредоточилось в Европе, – тотчас возразил ей муж, Андриан Серфимович Курочкин. – А у нас не население, а народ. И он, конечно же, уже предвкушает.

– Что предвкушает? – грозно спросила Маркиза, поглядев на него взглядом быка, выпущенного на арену.

– Твой приезд! – бесхитростно ответил матадор, рассчитывая обезоружить противника своей невинностью.

Андриан Серафимович являл собой полную противоположность супруге. Комик на сцене, он и в жизни оставался очень забавным. Всегда взъерошенные рыжие волосенки – Таня подозревала, что он подкрашивал их хной, – стоптанные ботинки, мешковатые костюмчики и хитрющие глаза. Глаза эти беспрестанно шныряли по сторонам, и создавалось впечатление, что Андриан Серафимович ищет место, куда бы можно было спрятаться от всевидящего ока громогласной супруги. В сущности, это была игра, забава, которой он предавался весьма охотно.

Супруги были самыми возрастными актерами антрепризы. Андриану Серафимовичу недавно исполнилось пятьдесят восемь лет, а Маркиза грозила в декабре устроить роскошное празднование своего шестидесятилетия. Впрочем, злые языки в театральных кругах утверждали, что с этим она опоздала лет примерно на пять.

– Алик, я хочу, чтобы за моими костюмами следили как следует. А не так, как это у нас принято, – неожиданно подала голос Регина.

Голос был низким, чувственным, с едва уловимой хрипотцой, на которую реагируют не только отоларингологи.

Когда Таня пришла работать в театр «Тема», Регина Брагина играла там практически все главные роли. Она была высокая и сухощавая, с крупными, но довольно приятными чертами лица и надменным взглядом. Как-то сразу получилось, что она стала Таниной наставницей и даже одно время претендовала на роль подруги, хотя была старше лет на пятнадцать. Регине покровительствовал сам Олег Борисович Богородский – в то время главный режиссер театра. К сожалению, благодетель неожиданно умер от инфаркта, а пришедший в театр новый главреж снимал с репертуара все старые спектакли. Новым замыслам нового режиссера Регина соответствовала не всегда, зато им часто соответствовала Таня. С тех пор дружба двух актрис постепенно начала разваливаться – Регина ревновала Таню к каждой новой роли. Окончательно они разорвали отношения ровно год назад, когда Таранов оказался в постели так называемой подруги.

– А магазины там до какого часа открыты? – грозно спросила Яблонская, словно режиссер лично должен был позаботиться о правильном графике работы торговых точек на всей территории страны.

– Где это – там? – вмешался Тихон Рысаков. С неаккуратно замазанным синяком под глазом он был удивительно похож на котенка по имени Гав. – Нам еще даже не сообщили, куда повезут, а вы уж о кефире.

– Я без кефира на ночь, да будет вам известно, не засыпаю. Продают там, куда мы поедем, кефир пониженной жирности? Или не продают?!

Будкевич честно признался, что не знает, после чего сказал:

– Если у Марии Кирилловны больше ко мне вопросов нет, я предлагаю перейти к заключительной части, после чего закончить собрание.

Присутствующие встрепенулись и загомонили. Заключительная часть должна была содержать самую волнующую информацию, а именно: точный маршрут гастролей, условия проживания и размер денежного вознаграждения. Правильно оценив оживление в партере, Будкевич сначала выдержал такую паузу, что сам Станиславский упал бы в обморок от нетерпения. После чего объявил:

– Мы будем выступать в трех довольно крупных городах – Перегудове, Ордынске и Приозерске. В каждом даем по четыре вечерних спектакля. Плюс бесплатная культурная программа для всей труппы. Есть еще один город, где нас очень ждут, но пока это предмет обсуждения, так сказать, резервный вариант. Теперь об условиях проживания.

Курортная расслабленность окончательно исчезла, уступив место неподдельному интересу к происходящему.

– Алик, Перегудов не так далеко. Мы туда на поезде поедem или в автобусе? – спросила Таня.

– На поезде, – ответил тот, отправив ей подбадривающую улыбку. Прияткина была его любимицей, и это все знали.

Таня познакомилась с Будкевичем еще во времена своего студенчества на скучном торжестве по поводу то ли присвоения звания, то ли ухода на пенсию кого-то из мэтров. Они понравились друг другу сразу, почувствовали некое родство душ. Будкевич был старше и как-то сразу дал понять, что не собирается ухаживать. Таню это устраивало. Потом они встречались еще несколько раз, сожалели, что не работают вместе, но тут же соглашались, что пути Господни неисповедимы, так что – кто знает? И вот в прошлом году, взявшись за антрепризу, Будкевич пригласил Таню на главную роль.

– Лучше бы мы поехали на автобусе, – немедленно подала голос Регина, не переносившая невнимания. – А то попадешь в купе бог знает с кем.

– Мы бумажки будем тянуть, – тотчас придумал Рысаков. – Из шапки.

– Из какой шапки? – сердито воскликнула Регина, сверкнув на него глазами. – Фантазии как у пэтэушника.

Именно в этот момент позади Тани раздались осторожные шаги, кто-то слегка тронул ее за плечо, и бархатный голос тихо произнес:

– Привет.

Тане даже не нужно было оборачиваться, чтобы сразу идентифицировать обладателя этого голоса. Не иначе ей в очередной раз посчастливилось встретиться с Валерием Дворецким.

Дворецкий был «заскоком» ее семьи, которая состояла из матери, тетки и бабушки. Таня любила их трепетно и нежно, однако как только представилась возможность жить отдельно, не преминула ею воспользоваться. Таня уверяла и доказывала, что она вполне взрослая, самостоятельная и самодостаточная личность. Однако, быстро смирившись с ее проживанием в собственной квартире, все три женщины упорно продолжали считать Таню хрупкой и чувствительной натурой, которой непременно нужна поддержка. И не только поддержка семьи, но в первую очередь крепкое мужское плечо, надежный спутник жизни, на которого все они могли бы положиться.

Дворецкий был находкой тети Поли. Единственный племянник ее школьной подруги, он оказался воплощением тех качеств, которые сама тетюшка очень ценила в мужчинах. Особенно ей нравилось то, что Валерий работает в милиции следователем и распутывает всякие ужасные преступления. Прямо как герой ее любимого телесериала про «Знатокoв», который недавно снова показывали по телевизору от начала и до конца. Бабушке Антонине Степановне импонировала изысканная вежливость Дворецкого. А мама считала, что он очень красивый, да и ростом вышел на славу.

Таня обернулась и вскинула голову.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела она, не зная, радоваться или сердиться. – У нас же сейчас собрание по поводу гастролей...

– Я в курсе, – Дворецкий обошел ряд, скользнул в кресло и устроился рядом с ней. – Но мне обязательно нужно было увидеться с тобой именно сегодня. Дело срочное.

У него были яркие зеленые глаза – лениво-внимательные, как у домашнего кота, который вышел прогуляться по саду, при этом ни на секунду не забывая, что в этом саду водятся мыши.

– Что ж, ладно, – вздохнула Таня, смирившись. Спорить с Дворецким было бессмысленно. Его настырность порой граничила с дурным тоном. Однако тетя Поля считала это проявлением настоящего мужского характера. – В таком случае тебе придется меня подождать.

Дворецкий пожал плечами и ответил:

– Я жду, жду, разве ты еще не поняла, до чего я терпеливый?

Несколько человек повернули головы в их сторону, в том числе и Таранов. Дворецкий появился на горизонте сравнительно недавно, поэтому Алексей не знал, кто он такой. Однако, учитывая его недавнее столкновение с рысаковскими ботинками в Таниной прихожей, легко мог догадаться. Пренебрежительно хмыкнув, Таранов отвернулся, а Таня досадливо покачала головой – все одно к одному!

Тем временем Будкевич продолжал разливать соловьем, рассказывая о прелестях предстоящей гастрольной поездки.

– Гостиницы – лучшие, – вешал он. – Из тех, что есть в городе, разумеется. Номера одноместные. Двухместный – для нашей единственной супружеской пары. Стандартные, но с телевизорами, холодильниками и мини-баром. Последнее, уж извините, за свой счет.

Присутствующие закивали в знак одобрения, оценив широкий жест Будкевича, который знал о тонкостях гастрольного быта артистов не понаслышке.

– Личные контракты я раздам вам сегодня же. О размере гонорара с каждым буду беседовать отдельно. Вопросы?

Вопрос возник мгновенно, причем у всех один и тот же: сколько заработают другие? Хотя вслух задать его никто так и не решился, поле напряженности было создано сразу же. Алик Будкевич мгновенно это почувствовал и, примирительно подняв руку, сказал:

– Каждый получит согласно таланту и занятости в спектаклях. А так как вы все у меня талантливы и предельно загружены, то, смею надеяться, недовольных не будет.

Таня не очень-то вслушивалась в слова режиссера. В настоящий момент ее заботил грядущий разговор с Дворецким. Тот сидел рядом и, казалось, не дышал. Он был так напряжен и сосредоточен, что Таня сразу поняла, зачем он явился. Вообще-то женщину невозможно заставить врасплох предложением руки и сердца, и звон свадебных колоколов она улавливает издалека. Но Таня уже однажды отказала теткинскому кумиру, поэтому была уверена, что второй попытки не будет. Сейчас она поняла, что ошиблась, недооценив упорства своего воздыхателя.

– Таня, – громким шепотом сказал Дворецкий, не в силах больше выносить пытку ожиданием. – Ты должна понимать, что мои намерения действительно серьезны. К вечным ценностям я отношусь с уважением.

Таранов вряд ли мог разобрать слова, однако мгновенно уловил интимные интонации. Резко обернувшись, он посмотрел на Дворецкого в упор.

– Что? – довольно грубо спросил тот.

– А ничего! – не менее грубо ответил Таранов и скорчил презрительную гримасу.

– Лицо дано человеку не для того, чтобы он кривлялся, – вполголоса заметил Дворецкий. – А артисту тем более.

Таранов охотно вступил в перепалку.

– А для чего ж еще? – с вызовом спросил он.

Сидевший поблизости Тихон Рысаков немедленно встрял в дискуссию:

– Для того, чтобы он им дышал и ел!

– И еще слушал, господин хороший, – раздался сбоку грозный голос Маркизы. – У вас для этого в ушах две дырки просверлены! Мы тут на собрании, а не на лодочной прогулке. Тут важные вопросы решаются.

– Я знаю, знаю. Про кефир, – пробормотал Тихон, не рискнувший, однако, вступать в открытую конфронтацию с Яблонской.

– А вы сидите тут и извергаете на всех поток своего красноречия, – не унималась та. – Не зря вам дали в глаз!

– Да я молчу, молчу. Я уже практически потухший вулкан, не орите на меня.

– Я ору только на стадионе, когда болею за любимую команду.

– Мария Кирилловна! – простонал Будкевич, взявшись за голову. – Вы не даете мне цивилизованно завершить выступление. Я хочу, чтобы артисты ушли готовиться к поездке в хорошем настроении.

Артисты начали подниматься со своих мест, потягиваясь и поглядывая по сторонам. Отчетливо ощущалось, что сомнения по поводу справедливого распределения гонораров рассеяны не до конца. Новорожденный коллектив напрягся в преддверии сплетен и интриг. Первой обозначила конфликт все та же Маркиза.

– Прохоровой небось по высшему разряду положит, – обращаясь к мужу, констатировала она, когда актеры уже потянулись к выходу.

Произнесла негромко, но с расчетом, чтобы окружающие ее услышали.

У самой молодой в труппе актрисы Анжелы Прохоровой было два неоспоримых преимущества – красота и богатые родители. В дополнительных заработках как раз она-то и не нуждалась. Роль у нее была крошечная, и в антрепризу ее привело исключительно любопытство, желание расширить профессиональные горизонты.

Андриан Серафимович мгновенно откликнулся на реплику жены:

– Это уж как водится – деньги к деньгам. Но и внешность – не последнее дело.

– Внешность! – насмешливо обронила Яблонская. – Внешность проходит, а вот бесталанность остается.

Анжела проигнорировала выпад в свой адрес и, с независимым видом продефилировав мимо, направилась к припаркованному на стоянке новенькому джипу.

– Да и Татьяну свою не забудет, по старой дружбе. Ее-то он сразу пригласил, а о нас еще раздумывал, – продолжала Маркиза, стреляя глазками по сторонам в надежде увидеть реакцию коллег. Но коллеги, почтительно огибая супругов и кивая им на прощание, быстренько утекали на улицу. Гастроли начинались.

* * *

– А что у тебя с режиссером? – спросил Дворецкий с мрачным видом.

Выйдя из театра, они тут же увидели Белинду, которая с сигаретой в руке прогуливалась вокруг большой клумбы с бархатцами. Цветы, размлевшие от солнечного тепла, источали пряный медовый аромат, который смешивался с сигаретным дымом и озадачивал пчел.

До сих пор Дворецкий и Белинда еще ни разу не встречались, хотя, естественно, были наслышаны друг о друге. Пожимая протянутую для знакомства руку, Белинда разглядела в глазах Дворецкого досаду и сразу сообразила, что именно она является ее причиной. Должно быть, этот тип приехал с намерением серьезно поговорить с Татьяной, а она сбила его с мысли.

Борясь с желанием принять непосредственное участие в событиях, она фальшиво улыбнулась и разрешила:

– Вы тут пообщайтесь пока, а я просто покурю в сторонке.

Дворецкий внимательно посмотрел на Таню, как будто хотел убедиться, осознает ли она всю важность того, что он собирается ей изложить. Лицо девушки было серьезным, но спокойным, и, так ничего и не поняв, Дворецкий ринулся в бой.

– Ты прости, что я вот так прямо спрашиваю, – начал он, подходя к Тане поближе. – Но я стою на распутье и должен принять решение, основываясь на точной информации.

Белинда, которая болталась поблизости и откровенно подслушивала, завела глаза к небу:

– Боже, где ж это таких производят? На заводе калькуляторов, что ли?

Потом, испугавшись, что ее могли услышать, она с подозрением огляделась по сторонам. Кажется, на ее реплику никто не обратил внимания, и она продолжила свой променад вдоль клумбы.

– Эта женщина с такой вот прической, – Дворецкий понизил голос и, воздев руки над головой, изобразил башню, – она намекнула, что режиссер к тебе неровно дышит.

– По-моему, ты делаешь из мухи слона, – тотчас рассердилась Таня. – Это самая примитивная и пошлая сплетня – про актрису и режиссера, я ненавижу такие разговоры. А с Аликом мы знакомы сто лет, и мы сто лет с ним друзья. И вообще... Я не очень понимаю, с какой стати мы сейчас обсуждаем мою личную жизнь?

Это был открытый вызов, и Дворецкий немедленно его принял.

– Ты мне очень нравишься, Таня, – сказал он проникновенно. – Я постоянно думаю о том, какая из нас получилась бы великолепная семья.

Белинде почему-то сразу пришел на ум ее последний ухажер, который всегда переходил вот на такой же низкий утробный голос, когда перед ним ставили тарелку горячего супа. Она не сдержалась и громко хихикнула.

Дворецкий тотчас ее возненавидел. Развернувшись в ее сторону, он с вызовом заявил:

– Глупо спорить с тем фактом, что семья – это ячейка, вне которой и мужчина, и женщина чувствуют себя одинокими и потерянными.

– Кто это сказал? – мрачно спросила Белинда. – Уютно чувствовать себя в ячейке может только инкубаторское яйцо.

– Наверняка вы не замужем, – заметил ее оппонент.

Если бы в его тоне прозвучала снисходительность или ирония, Белинда растерзала бы его, как лисица петуха. Однако Дворецкий был омерзительно искренен, так что она лишь вздохнула и посмотрела на небо, словно призывая его стать свидетелем мужской наивности.

– Ты угадал, она не замужем, – подтвердила Таня нетерпеливо. – Ну так в чем все-таки дело?

– Моя тетя хочет, чтобы я поскорее женился.

– И моя тетя тоже хочет, чтобы я поскорее вышла замуж.

– Вот пусть ваши тети и женятся друг на друге, – прогундосила Белинда, прикуривая одну сигарету от другой. Она делала жадные затяжки и выдыхала дым короткими облачками.

– Белинда! – сердито воскликнула Таня. – У нас приватный разговор, между прочим.

– Подумаешь! Да ладно, ушла уже.

Однако исчезать совсем она не собиралась, а лишь удалилась в глубину двора и уселась на одинокую скамейку под дубом. Дуб был старым, могучим и безропотно принял ее под свою сень.

– Так вот, – Дворецкий снова попытался сосредоточиться. – После того как ты мне отказала, я очень долго переживал. А еще я много думал и снова пришел к выводу, что мы стали бы замечательной парой! Не понимаю, почему ты мне отказала, честное слово не понимаю!

– Валерий...

– Нет-нет, подожди, сейчас важно не это. Короче, моя тетка, узнав о твоём отказе, стала подыскивать мне новую невесту... И подыскала...

– Ах, вот оно что, – протянула Таня.

Она сразу почувствовала облегчение, хотя, признаться, в глубине души шевельнулось раздражение по отношению к тетке Дворецкого. Все же в природе не существует такой женщины, которая бы искренне обрадовалась потере поклонника, будь он ей трижды противен. Теряя поклонника, женщина теряет частичку самоуважения.

Пока все эти мысли проносились в голове Татьяны, Дворецкий продолжал:

– Ее зовут Надежда Морошкина, она предприниматель, у нее свое собственное хозяйство под Приозерском. Ферма.

– Зачем мне ее анкетные данные? Ты хочешь, чтобы я стала подружкой невесты? – с подозрением спросила Таня.

Дворецкий посмотрел на нее непонимающе:

– Просто делюсь.

– А... Тогда продолжай.

– И тут я случайно по радио услышал, что ты тоже едешь в Приозерск! Ваш Будкевич интервью давал, вот я и среагировал... Я стал думать о тебе и понял, что Надежда Морошкина, какой бы она ни была, наверняка с тобой не сравнится.

– А вдруг? – спросила Таня. – Валер, если честно, у нас получается какой-то глупый разговор. Тебе пришла пора жениться, тетка подыскала для тебя подходящую фермершу... Я не понимаю, при чем здесь я? Зачем ты пришел?

– Спросить у тебя еще раз, – интимно понизил голос Дворецкий.

Белинда смотрела на него издали, прищурившись. По ее мнению, этот тип выглядел как шпион, замаскированный под школьного учителя. Внешняя аккуратность и даже некоторая изысканность облика не могли скрыть ментовской повадки. У Дворецкого была короткая шея, на которой сидела вполне пропорциональная голова с высоким лбом и сильным подбородком.

– Спросить еще раз? – растерянно проговорила Таня. – Но зачем спрашивать еще раз? Чувства не меняются за две недели!

– Не знаю, женщины такие загадочные существа, – искренне ответил Дворецкий. – Мне так непросто перестать мечтать о тебе и переключаться на Морошкину...

– Знаешь, у тебя странные представления о семье, – заявила Таня. – Мне всегда казалось, что сначала люди обзаводятся чувствами, а потом уж свидетельством о браке. В твоей же интерпретации женитьба выглядит как коммерческое предприятие.

– Но это же союз двух людей.

– А я всегда думала – двух сердец.

– Вот я и пытаюсь найти подходящее сердце! – не сдавался Дворецкий. – И твое сердце меня вполне даже устраивает. Я понял, что не поеду в Приозерск, пока не увижусь с тобой еще раз.

– Мне очень жаль, – начала Таня, отчаянно жалея сейчас, что не курит и ей некуда деть руки.

В конце концов отказывать мужчине не так уж и приятно. Она не была пожирательницей сердец и не обладала в этом деле достаточной сноровкой.

– Мне тоже очень, очень жаль, – печально откликнулся Дворецкий. – Что ж... Я пойду?

– Надеюсь, мы останемся друзьями, – не слишком уверенно откликнулась Таня.

Уходя, Валерий в последний раз обернулся и увидел Будкевича, который только что вышел из театра. Он остановился возле Тани и о чем-то заговорил, потом взял ее за локоть, а потом и вовсе положил руку ей на плечо. «А может, между ними все же что-то есть? – подумал Дворецкий. – Творческая среда – штука опасная, она кишит романтикой и эмоциями. К тому же дыма без огня не бывает...»

История взлета и падения Будкевича в свое время потрясла театральные круги. Он учился на драматического артиста. К последнему курсу успел стать своего рода звездой: его обожало большинство педагогов, которые прочили молодому дарованию невероятный успех и головокружительную карьеру. У него было много друзей, которым нравилось умение Алика легко относиться к любым проблемам. В него была влюблена почти вся прекрасная половина театрального училища, потому что перед обаянием Будкевича не мог устоять никто. Этот человек словно родился для того, чтобы играть героев-любовников. Он был высоким и широкоплечим, со светло-русой копной волос и яркими синими глазами. Еще он замечательно пел под гитару белогвардейские романсы «Гори, гори моя звезда» и «Белой акации гроздь душистые» и был неподражаем в любовных сценах. Когда в выпускном спектакле «Собака на сене» Будкевич играл Теодоро, стены маленького студенческого театра чуть не рухнули от грома оваций – сам Лоренс Оливье обзавидовался бы такому успеху.

Той весной по театральной Москве ходили настоящие легенды о замечательном курсе, который выпускает профессор Коринец, но в первую очередь, конечно же, о будущей звезде театрального небосвода Алексее Будкевиче. И уже в июне будущая звезда заскочила в родное училище похвастаться: он весь буквально завален предложениями от театров, кино, телевидения. Будкевич рассуждал о том, как трудно сделать правильный выбор, чтобы и работа, и зарплата, и личная жизнь...

Поначалу все у Алекса действительно шло как по маслу: и солидный театр, и новая роль в каждом сезоне. Довольно быстро ему дали звание заслуженного артиста, часто приглашали сниматься в кино. Затем Будкевич закрепил успех, женившись на дочке заместителя министра. И вдруг...

Гром грянул среди ясного неба – Алексея Будкевича обвинили в убийстве. История была шумная, но темная. В кулуарах говорили о водке, наркотиках, бриллиантах, валютных проститутках. Попытки адвокатов представить все как несчастный случай потерпели поражение. Не помогло ни заступничество театральной общественности, ни вмешательство влиятельного тестя – Алик получил срок.

В тюрьме он должен был провести лучшие годы своей жизни. Однако год спустя выяснилось, что Будкевич сидит по ложному обвинению. Расследуя разбойное нападение, сыщики арестовали рецидивиста, который сознался в совершении двух убийств, в том числе и того, в котором обвинили Алика.

Итак, «судьба Будкевича хранила», и на свободу он вышел довольно быстро. Оправданный по всем статьям. Но это был уже другой человек. Тюрьма на амплуа не смотрит – герой ты или благородный отец. Поредели знаменитые кудри, синие глаза утратили свою живость, открытая улыбка угасла.

После той истории Таня не видела Будкевича довольно долго, а когда встретила его снова, то сразу же поняла – Алик начал пить. Упустив драгоценные несколько лет, Будкевич был уверен, что уже никогда не вернется в профессию, и вместо того чтобы пытаться восстановить былую форму, от отчаяния стал все чаще прикладываться к бутылке. Он пил, потому что не давали ролей, а не давали их ему, потому что пил. Поддержать его было некому – жена развелась с ним, когда он еще сидел в тюрьме.

Однако характера Будкевичу все же было не занимать. Помыкавшись пару лет без работы, он неожиданно для многих снова лихо ворвался в театральную тусовку. Занялся организацией малобюджетных гастролей, антреприз с участием известных, а порой и знаменитых актеров: минимум затрат и максимально возможная прибыль. Казалось, это был прежний Будкевич, хотя теперь уже совсем в ином качестве.

Дело Алик поставил на широкую ногу. В своем новом амплуа он снова был неподражаем и весьма успешен. Будкевич умело подбирал актеров, смешивая на сцене замечательные коктейли из крепких середнячков-профессионалов и популярных везунчиков, удачно засветившихся на телевидении, получая благодарность зрителей и положительные отклики прессы. И пьесы находил в точности соответствующие требованиям сегодняшнего дня – без утомительной, никому не интересной философии и раздражающих публику нравочений.

Именно такую пьесу – легкую, веселую, жизнерадостную – он подобрал для нынешнего гастрольного тура. Называлась пьеса «Если вы не влюблены». Это были сцены из жизни скромного лондонского семейства, где, вопреки названию, как раз влюблены все поголовно, включая служанку преклонного возраста. Таня играла роль взрослой дочери, которая под большим секретом сообщает всем и каждому, что она беременна, хотя на самом деле нет.

Из-за этого «секрета Полишинеля» на протяжении всей пьесы происходят смешные недоразумения, однако заканчивается все хорошо, семья воссоединяется, измены прощены, и в английском доме воцаряются мир и покой. Незамысловатый сюжет и многочисленные комичные ситуации заранее гарантировали пьесе успех у зрителей.

Гастроли начинаются

Вечером накануне премьеры труппа прибыла в Перегудов – первый город, которому посчастливилось встречать столичных актеров. Прибытие решено было отметить небольшим застольем, хотя выпивки на столах было немного. Назавтра предстояло практически с колес играть пьесу, которую, что уж греха таить, почти не репетировали. Делом это было непростым и требовало полной отдачи даже от ветеранов театральных подмостков.

За столом царило оживление. Все с удовольствием трепались, давая выход накопившимся эмоциям. Ни дать ни взять – школьники перед летними каникулами. Тихон Рысаков, который не мог за себя поручиться, на всякий случай от алкоголя отказался наотрез. Зато много ел, время от времени проверяя синяк под глазом: осторожно нажимал на него пальцем и страдальчески морщился.

Вадим Веленко, осветитель и по совместительству рабочий сцены, откровенно ухлестывал за Белиндой, которая ни за что не желала принимать его всерьез. Веленко был общительным парнем с ничем не примечательной внешностью. Красивыми на его лице были, пожалуй, только светло-серые глаза, опущенные черными ресницами. Будь его улыбка чуть понахальнее, Белинда, пожалуй, и закрутила бы с ним роман. Ей нравились яркие мужчины, как она говорила – с харизмой. Мужчины, которые вели себя уверенно и были на виду. Веленко же харизмой похвастать не мог, на рожон никогда не лез, хотя и любил находиться в гуще событий.

Вообще-то он волочился за Белиндой еще в Москве. Таня, которая знала о страстном желании подружки «остепениться», однажды не удержалась и напрямую спросила ее об отношении к сероглазому осветителю.

– Я к нему ничего не испытываю, – с сожалением призналась та. – При физическом контакте не ощущаю никакого трепета. А трепет, по-моему, совершенно необходим.

– Когда это у тебя с Веленко был физический контакт? – удивилась Таня.

– «Когда, когда»? Тогда, когда он снимал мне головную боль в гримерке. Я откинулась на спинку кресла, а он водил руками по моему затылку и вискам. И я ничего не чувствовала, понимаешь?

– Вообще ничего?

– Ну... Ничего *такого*... Разве что мне было щекотно.

Как врачеватель, Веленко пользовался в театре «Тема» большой популярностью. Всем было известно, что бабка его была родом из сибирской деревни, разбиралась в травах, умела снимать порчу и диагностировать болезни. Веленко утверждал, что к нему по наследству перешли кое-какие навыки. В частности, он за десять минут мог наложением рук вылечить самую жестокую мигрень. А поскольку для господ артистов мигрень – дело обычное, то у Веленко во время напряженных репетиций и бесконечных прогонов никогда не бывало длинных тоскливых перекуров.

То, что Белинда Вадиму нравилась, было видно невооруженным глазом. Однако раньше он никогда не оказывал ей столько знаков внимания сразу. Как и все остальные, Веленко за столом почти не пил, поэтому его назойливость нельзя было списать на алкоголь. Вероятно, гастрольная атмосфера влияла не только на актеров, но и на осветителей. Таня с улыбкой наблюдала за тем, как вконец обалдевшая от его комплиментов Белинда вместе со стулом осторожно перемещается подальше от своего кавалера.

Один только Курочкин позволил себе лишнего. Его супруга, сославшись на усталость, ушла в самый разгар веселья и неосторожно оставила мужа без присмотра. Неприсмотренным он бывал так редко, что ему немедленно захотелось этим воспользоваться. Кончилось все тем, что Будкевичу пришлось тащить Андриана Серафимовича на улицу, дабы тот глотнул свежего воздуха и немного пришел в себя.

Возле гостиницы было темно и тихо. Ни людей, ни автомобилей. Где-то далеко лаяли собаки. Воздух был упоительно-свежим. Курочкин расправил плечи и сделал глубокий вдох, подняв лицо к небу.

– Господи, хорошо-то как! – воскликнул он с каким-то даже удивлением. Как будто положительные эмоции были для него чем-то новым и неизведанным. – И звезды какие, Алик! В Москве таких сроду не бывало.

– Зато в Москве можно увидеть самолет или отдельно парящую ворону, – пробормотал тот, закуривая и выпуская дым в сторону, чтобы не мешать Курочкину проветриваться.

Тот еще немного постоял, обратив лицо к небу и разглядывая крупную зеленоватую звезду. Казалось, звезда нахально подмигивает, как будто на что-то намекает. Потом, понизив голос почти до шепота, Курочкин спросил:

– Скажи, Алик, у тебя нет предчувствия?

Будкевич мельком взглянул на него и буркнул:

– Предчувствия чего, Андриан Серафимович?

– Нехорошего, – ответил тот и посмотрел Алику прямо в глаза. Взгляд у него был каким-то неожиданно пронзительным.

По правде сказать, надо было бы не обращать на Курочкина внимания, но Будкевич против воли разозлился.

– Нехорошие предчувствия появляются только после хорошей выпивки, – с досадой ответил он. – Проспишься, и они исчезнут. Безвозвратно, как юношеские мечты. Пойдем, я отведу тебя к жене.

Перегудов, день первый

Доставив Курочкина в его номер, Алик понял, что настроение у него испортилось капитально. Даже на следующее утро на душе все еще было мутно, и все вокруг казалось ему мрачным и неприветливым. Дождавшись, когда его паства закончит завтрак, Будкевич собрал всех на короткое совещание.

– Значит, так, коллеги, – решительно начал режиссер, вглядываясь в знакомые лица. – Прошу всех встряхнуться, вспомнить, что мы тут не на отдыхе, а на работе. Что сегодня премьера, от которой, может быть, зависит вся дальнейшая судьба гастролей. Молва, знаете ли, побежит впереди нас. И если не покажем уровень – зритель в этом городе больше не проголосует за нас своим трудовым рублем, заплаченным за билет в театр. Да и в другом городе тоже. Понимаю – вам сложно, пьеса не обкатана как следует. Но и мы с вами не новички, так что прошу, дамы и господа, приложить максимум усилий и задействовать ваши явные и скрытые таланты на полную катушку. Я очень надеюсь на вас!

Присутствующие молча внимали, не делая попыток начать диалог с руководителем. Только Таранов вдруг поднял вверх руку.

– Да, Леш, говори, – кивнул ему Будкевич.

– Предлагаю прямо сейчас устроить короткую экскурсию по городу. Здесь наверняка есть свои достопримечательности. И развеемся заодно.

– Отличная идея, – одобрил Будкевич. – Народ надо немного растормошить. А то вот Регина заспанная ходит, того и гляди, на сцену, зевая, выползет.

– Что значит «выползет»? – неожиданно взвилась дремавшая в углу Брагина.

– Свиваясь в кольца и зловеще шелестя чешуей, – тут же развил тему несдержанный Рысаков, который просто не умел держать язык за зубами. Обычно он мгновенно выпаливал первое, что приходило ему в голову, и все три жены, как одна, ненавидели его за эту отвратительную манеру.

– Регина не ползает. Она реет, – неожиданно для всех сказал Таранов.

– Лешенька, – ядовито улыбнулась ему Регина. – Шел бы ты... Только не по городу гулять, а роль учить. А то, как всегда, забудешь свой текст и начнешь бродить взад и вперед, словно по грибы на сцену вышел. Или нам жалостливые рожи корчить!

Словесную дуэль прервал Будкевич:

– Ребятки, довольно! Регина, я пошутил, так что прошу прощения. Леша, сядь, я хочу вам кое-что сказать. Мне утром позвонили из городской администрации...

– О! – вновь выступил Таранов. – Цензура запретила играть спектакль, подрывающий нравственные устои... Теперь нас сошлют в далекую холодную Москву.

– Леша, вот жаль, что мы не в армии, – грозно сдвинув брови, сказал Будкевич. – Я бы тебя отправил суток на пять в казарме пол драить – за пререкания с начальством и неуставные отношения с сослуживцами.

– Слушаюсь, товарищ генерал-продюсер! – бодро отчеканил Таранов и сел на свой стул.

– Так вот, – продолжил Будкевич. – Сегодня на премьере будет присутствовать практически все руководство города. Во главе с мэром.

– Солидно, – присвистнул Рысаков. – И приятно.

– Что тебе приятно? – недоуменно задрал брови, обернулась к нему Яблонская.

– Что чиновники тянутся к прекрасному. Целыми администрациями. А вам, Мария Кирилловна, это разве не приятно?

– Мне все равно, – решительно заявила Яблонская. – Лишь бы они выключили свои мобильники и во время спектакля сидели тихо. А то развалятся в первом ряду и бухтят в свои трубки, как будто на производственное совещание явились.

– Объясняю, – перебил спорщиков Будкевич. Учитывая темперамент собравшихся, держать ситуацию под контролем было делом непростым. Однако давно уже поднаторевшего в решении конфликтов Алика трудно было сбить с толку. – Местный директор уже показал мне театральный зал. Для высоких гостей существует специальная ложа. Во время недавней реконструкции ее расширили, так что все чиновники сконцентрируются там.

– А столик с выпивкой и закуской для них предусмотрели? – снова возник Таранов. – Чтобы мужички могли приятно расслабиться, пока артисты перед ними на сцене кувыркаются.

– Леша, перестань кривляться. К ним не варьете приехало, а драматические артисты, – перебила его Анжела Прохорова. – И дай боссу договорить, интересно ведь.

Таранов хотел что-то ответить, но встретил бесхитрый взгляд Анжелы и поперхнулся очередной репликой. Таня следила за ними с небрежной улыбкой. Анжела была красавицей и могла заставить ревновать даже гипсовую девушку с веслом. Однако на вкус Тани ее красоте не хватало выразительности. Это была откровенная, но какая-то довольно банальная красота, без изюминки. К сожалению, все без исключения мужчины придерживались абсолютно противоположного мнения, поэтому Таня ревновала. Ревновала Таранова к Анжеле. И тогда, и сейчас тоже. Это чувство ей явно не нравилось, но Таня пока еще не решила, как станет с ним бороться.

Тем временем Будкевич продолжил свой монолог.

– Дальше будет еще интересней, – пообещал он. – После спектакля, который, как я надеюсь, пройдет на самом высоком профессиональном уровне, мэр Перегудова устраивает прием в честь московских артистов. В вашу честь, дорогие мои.

В комнате раздался одобрителный гул, что не могло не порадовать организатора гастролей.

– Вот это мэр, – похвалил Таранов. – С пониманием мужик!

– Не мужик это, дорогие мои. Здесь мэр – женщина, и, смею вас заверить, женщина очаровательная. Зовут ее Валентина Васильевна. Уверен, она вам всем понравится.

– Почему мне должен нравиться мэр? Тем более женщина? – сердито спросила Яблонская. Лицо у нее сделалось вредным, и Будкевич тяжело вздохнул, предчувствуя очередные капризы и брюзжание. – Она плохо исполняет свои обязанности. В городе ни одной нормальной дороги нет. Пока ехали, только и делали, что ухабы считали. Мои внутренности перемешались в настоящий греческий салат.

– С ливером, – пробормотал Тихон Рысаков. – И салатик этот, по-моему, уже подпортился.

– Будь я не так хорошо воспитана, вам бы не поздоровилось, – бросила Яблонская в его сторону. – Вы дурно влияете на мое кровяное давление.

– Верхнее или нижнее?

Андриан Серафимович, который до этого только похихикивал, неожиданно развернулся и так грозно глянул на Рысакова, что тот даже икнул от удивления.

– Все, хватит! – хлопнул ладонью по столу Будкевич. – Как дети, честное слово! Так вот, если с приемом все понятно...

– Не все, – подал голос Таранов.

– Что тебе непонятно? – терпеливо спросил Алик.

– Непонятно, где пьянка состоится. В администрации? Или в местном ресторане для избранных?

– В театре, Леша. Так сказать, в привычном для нас формате. Там, кстати, есть очень уютный зальчик, специально для таких мероприятий. Устраивает?

Таранов сказал, что устраивает, и сложил руки на груди. Таня следила за ним с неослабевающим вниманием, но делала это исподтишка, надеясь, что ее пристального интереса никто не замечает. Было ясно, что Лешка паясничает, и Таня принимала это на свой счет. Вероятно,

он выпендривается перед ней. Хочет блистать, чтобы она видела, какого сокровища лишилась. А это значит, Белинда права – не все еще потеряно!

– Итак, – устало продолжил Будкевич, – с техническими вопросами мы разобрались. Теперь вопрос номер два. Сегодня утром у меня появилась одна идея. В принципе – скромная, но я хотел бы с вами ее обсудить. Точнее, не саму идею, тут, извините, я уже принял авторитарное решение. Меня интересует, кто может ее воплотить.

– Я могу, – сразу сказал Рысаков. Все головы повернулись к нему, и Тихон быстро добавил: – А что такое? Воплощать идеи – моя профессия.

В ответ на это заявление раздался одинокий смех Вадима Веленко, который сидел позади всех и наслаждался представлением. Ему страшно нравилось, когда актеры пикировались между собой. А Тихона Рысакова он вообще боготворил еще со времен сериала «Совы – ночные птицы».

– Дело в принципе ерундовое, – продолжил Будкевич, проигнорировав предложение Рысакова. – Но может несколько оживить нашу антрепризу. Я вдруг подумал – а почему бы нам не использовать испытанный прием и не вовлечь зрителя в наше действие еще в фойе? Чтобы они там не только программки покупали и водичку пили, а потихоньку настраивались на спектакль.

Ожидавшие худшего, артисты облегченно выдохнули и начали весело переглядываться.

– Точно, я уже даже представляю, как все будет выглядеть! – воскликнул Таранов. – Одетые в парики и кружево Андриан Серафимович и Мария Кирилловна у входа проверяют билеты, Рысаков с гитарой толкается возле туалетов, напевая что-нибудь из вагантов, а Регина продает коньяк, соблазняя мужиков мушкой над верхней губой.

– Алик, мысль хоть и не новая, но хорошая. Только вот, боюсь, не для нас, – высказала свое мнение Яблонская.

– Почему?! – искренне возмутился Будкевич. – Никакого балагана не будет. Зачем нам крайности? У нас легкая, веселая пьеса из жизни весьма уважаемого английского семейства. Так вот я и представил – английский дом, английский сад... И разумеется, английский дворецкий. Вот он-то и будет встречать гостей, направлять их...

– В буфет, к Регине с мушкой, – брякнул Рысаков.

– К столикам с программками, – не обращая на него внимания, продолжил Будкевич. – Будет ходить по фойе, улыбаться и все такое... К тому же он может объявить о прибытии мэра города. Громко и торжественно. Знаете, как на всяких больших приемах объявляют о прибытии гостей? Представляете, как будет здорово?

– Конечно, здорово! – снова оживился Таранов. – Так и слышу, как кто-то из нас зычным голосом выкрикивает: министр иностранных дел Бельгии с супругой, посол Франции с супругой, султан острова Трикуку с малым выездным гаремом. Мэр города Перегудова с шофером-телохранителем!

– Ничего святого, – тяжело вздохнул Будкевич. – Хорош хохмить! Сейчас надо решить, кто будет этим самым дворецким. Нет, мне определенно нравится эта идея – камзол, парик, бакенбарды...

– Канделябр, – мечтательно добавил Рысаков.

– Точно, и канделябр! Отлично, – обрадовался Алик. – Ты абсолютно прав! Это здорово оживит образ.

– Так я пошутил!

– А мне нравится. Короче, давайте решать – кто?

Актеры кисло молчали, включая Яблонскую, которая шумно обмахивалась журналом с полуголой женщиной на обложке. Надо думать, она схватила первый попавшийся и еще не ознакомилась с содержанием.

– Алик, – осторожно начала Таня, взяв на себя функцию гласа народа. – Во-первых, ты режиссер и имеешь множество всяких прав. Во-вторых, мы тебя очень любим и готовы идти на всяческие подвиги, но только... Ты пойми, нам потом на сцену, играть. Ну, ты же сам все прекрасно понимаешь. Не бог весть какие усилия, конечно, но все же... Будь у нас лишние люди, будь мы в обычных условиях репертуарного театра – вывернулись бы. А так...

Будкевич молча выслушал ее резоны и задумался. Молчала и труппа, терпеливо ожидая его вердикта.

– Я бы на его месте сказала: «К черту дворецкого!» – шепнула Яблонская своему мужу.

– Только не Алик, – тоже шепотом откликнулся Курочкин. – Он от своей идеи не откажется ни за что, сама знаешь.

– Так, – прервал затянувшуюся паузу Будкевич. – Кажется, я нашел выход. Есть у нас человек, которому позже не надо будет выходить на сцену.

– Я не стану бегать с канделябром перед публикой! – отрезала Белинда, которой показалось, что режиссер смотрит прямо на нее.

– Да какой из тебя дворецкий? – беззлобно махнул рукой Будкевич. – Ты такая дохлая, что вас с канделябром друг от друга не отличишь.

– К тому же у тебя бюст как у Памелы Андерсон, – добавила Регина. – На нем ни один камзол не сойдется.

– Это комплимент? – с вызовом спросила Белинда, которая заодно с Таней терпеть не могла Брагину.

Регина засмеялась, и Будкевич постарался побыстрее закончить свою мысль:

– Я решил привлечь к актерскому делу нашего осветителя.

Вадим Веленко обалдело уставился на режиссера.

– Я?! – воскликнул он, не скрывая изумления. – Да вы что, я же все провалю! У меня же никакого опыта. У меня техника на попечении. А публика – это совсем из другой оперы.

Однако довольный своей находкой, Будкевич и слушать ничего не хотел:

– Вадим, все решено. Не бойся, ничего особого тебе делать не придется. К тому же я проинструктирую тебя самым подробнейшим образом. Вот сейчас ребята отправятся на экскурсию, а мы с тобой немного порепетируем. Заодно и костюм подберем, и реквизит. Все свободны! – обратился он к остальным. – Можете отправляться осматривать местные достопримечательности. Таранов назначается экскурсоводом. Он же отвечает за своевременное возвращение всего кагала в гостиницу.

– Спасибо, сэнсэй! – молитвенно сложил ладони Алексей и отвесил Будкевичу низкий поклон.

– Иди, иди! – досадливо отмахнулся Алик. – А я пока буду тебе смену готовить. Гляди, как бы не пришлось потом роль лакея у меня выпрашивать. Но я еще подумаю!

Актеры потянулись к выходу, а к Будкевичу со своей очередной жалобой пристала Мария Кирилловна. Пока Алик от нее отбивался, Таня подошла к Веленко, который с потерянным видом остался сидеть на месте.

– Отнесись к этому как к приключению, – посоветовала она. – Ничего ужасного не случится. Походишь молча минут пятнадцать по фойе – и все. Думаю, что второго выхода не будет, Алик и сам поймет, что это лишнее. Ты, главное, не бойся!

– Я постараюсь, – сдавленным голосом ответил Веленко. Было ясно, что он уже боится.

– Вот и посмотришь, что такое актерский хлеб, – Таня хлопнула его по плечу. – А Белинда подберет тебе костюмчик по росту.

При мысли о том, что у него будет легальный повод пообщаться с дамой сердца, Веленко приободрился.

– Хорошо еще, что он не додумался включить твою роль в спектакль. Там все гораздо сложнее и ответственнее. Не только на сцену выходишь, но еще текст запоминать надо.

– Какой текст?

– Нешуточный, – очень серьезно ответила Таня. – «Чего изволите?»

* * *

Вскоре выяснилось, что мысль об экскурсии вдохновила не всех. Первым вниз спустился Таранов. Зачинщик мероприятия принялся расхаживать по вестибюлю гостиницы, с интересом поглядывая по сторонам и одаривая улыбками девушку-администратора. К тому времени, когда Таня тоже спустилась вниз, щеки у администратора уже покраснелись, а глаза задорно блестели.

Белинда, следовавшая за Таней, сосредоточенно глядела под ноги и крепко держалась рукой за перила. Она надела босоножки без пятки на высоченных каблуках и теперь старалась не соскользнуть с этих самых каблуков и не скатиться к подножию лестницы. Каблуки оглушительно цокали, но Белинде было на это наплевать. Она никому не могла позволить взирать на себя свысока – ни в прямом, ни в переносном смысле.

Появившийся вслед за ними Рысаков немедленно завопил с верхней площадки:

– Белинда, тебя что, подковали, что ли? Грохот такой, как будто в город вошла конница Буденного!

Белинда только фыркнула в ответ, не выказав никакого желания вступать в перепалку.

Сам Рысаков вырядился в белые штаны и нацепил на нос солнечные очки размером с маску для подводного плавания.

– Чтобы поклонники не узнавали, – объяснил он. – А то не дадут полюбоваться достопримечательностями – окружают и станут меня руками хватать. Чувствуешь себя прямо как енот в зоопарке! Не знаю, почему народу так хочется трогать руками артистов!

– Не всех, Тиша, – успокоил его Таранов. – А только тех, которые играют карликов-вампиров.

Вскоре к собравшимся присоединилась Анжела Прохорова, и их маленькая туристическая группа вывалилась на улицу.

– Что ж, полагаю, можно трогаться в путь. Больше, похоже, никто не появится, – сказал Таранов и ловко взял Анжелу под локоток. В ярком сарафане «в обличку» она выглядела богиней, созданной исключительно для того, чтобы лишать мужчин остатков разума.

– Сногшибательный прикид, – не удержался от комплимента Таранов. Таня, которая для удобства надела бриджи и простую футболку, досадливо поморщилась.

Бдительная Белинда тут же дернула ее за руку и прошипела:

– Не сходи с ума. Если мужчина хвалит платье, это еще не значит, что ему нравится втиснутая в него девица. Анжела – не его тип.

Гостиница стояла на тихой улице, полого спускавшейся к невидимой отсюда реке. Улица была зеленой, забрызганной солнцем, по ней тянулась бесконечная трамвайная колея. Между рельсами сидела жирная рыжая кошка и нагло умывалась у всех на глазах. Прохожие встречались редко, и все с любопытством и без смущения разглядывали компанию приезжих.

Тихон вырвался вперед, словно вожак стаи. Преодолев первую сотню метров, он радостно воскликнул:

– Эх, как же я люблю бродить по милым провинциальным улочкам! Сколько интересного и любопытного можно здесь встретить!

– Чего это ты так разливаешься? – ехидно спросила Белинда. – Журналисты вроде бы еще не набежали.

– Да я от чистого сердца! – обиделся Рысаков. – Ты только подумай, здесь нет автомобильных пробок, и днем в магазине что угодно можно купить без толчеи.

– А что здесь продают? – заинтересовалась Анжела.

– Сейчас узнаем, – ответил Таранов. – Вон впереди какой-то магазин маячит.

В поле их зрения действительно появилась витрина. В ней, странно растопырив руки, стоял лилового цвета манекен в свадебном платье с фатой на макушке.

– Магазин для новобрачных, – разочарованно протянула Белинда.

– Не повезло, – поежился Тихон. Все три бывшие жены разом встали пред его мысленным взором.

– Интересно, – подала голос Анжела, – почему в витрине нет жениха?

– Потому что ужас не имеет лица, – тут же откликнулся многоопытный Рысаков.

Предупредительно позванивая, их обогнал трамвай и притормозил чуть впереди, у остановки.

– Слушайте! – неожиданно загорелся Таранов. – Давайте устроим трамвайную экскурсию по городу. «Вагончик тронется, перрон останется»!

Продолжая напевать, он посадил Анжелу на подножку, оставив Таню и Белинду на попечение Рысакова. Тот оказался никудышным джентльменом и влез в вагон первым. Таня понимала, что Лешка нарочно флиртует со всеми подряд, чтобы позлить ее, однако на душе все равно было как-то мутно. «Эх, нужно было платье надеть», – подумала она, пробираясь поближе к окну.

– Трамвай идет до Рабочей улицы, – сообщила женщина-кондуктор, получая с них деньги за проезд. – Вам куда надо?

– Нам как раз туда и надо, – за всех ответил Таранов.

– Главное, нам бы успеть вернуться на репетицию. А то сейчас заедем, – тихонько сказала Таня.

Но трамвай шел быстро, да и расстояния здесь были – с московскими не сравнить. Так что уже через двадцать минут они услышали:

– Конечная, вагон дальше не идет.

Выйдя из трамвая, они оказались перед панельными пятиэтажными домами. Здесь город терял свою милую провинциальность, которую придавали ему маленькие особнячки и одноэтажные домики с палисадниками. Теперь это был просто населенный пункт, лишенный своеобразия и абсолютно неинтересный для туристов.

Размышляя, куда бы им теперь податься, путешественники обогнули первый дом и очутились в прямоугольном дворе, густо засаженном липами. Липы буйно цвели, одурманивая птиц, которые чирикали и посвистывали срывающимися голосами. На лавочке возле пустой детской песочницы сидели местные бабушки. Они оживленно о чем-то спорили, не обращая внимания на пришельцев. У одной, особо воинственной, даже платок сбился на сторону.

– О! – воскликнул Таранов. – Шекспировские страсти! Ставлю сто против одного, что все они смотрят какую-нибудь мильную оперу и теперь обсуждают, выживет ли в следующей серии собачка главной героини, попавшая под велосипед в серии предыдущей.

Подойдя поближе, путешественники услышали наконец, о чем идет речь.

– Ты, Клавдия, может, и работала в ресторане, но уж точно не поварихой! Уборщицей небось! Капусту в борщ кладут после всего остального! Если ее вместе с картошкой бухнуть, чего от нее останется-то? Сопли одни!

– Если ты, Алевтина, такая умная, чего у тебя тогда зять в заводской столовке ужинает?!

– Добрый день, – выступил вперед Таранов и празднично улыбнулся. – Простите великодушно за то, что прерываю вашу беседу. Мы, видите ли, туристы. Ищем достопримечательности. Может, подскажете нам, есть тут поблизости что-нибудь интересное?

Старушки перестали спорить и вопросительно уставились на незваных гостей.

– А что вам точно-то надо? – наконец спросила та, которую звали Клавдией.

– Ну, не знаю, что нам точно надо, – задумчиво протянул Таранов. – Краеведческий музей или какой-нибудь старый монастырь с фресками...

– Церковь есть, Успенская, – бодро ответила Клавдия. – Там иконы старые. Только до нее на трамвае надо добираться.

– Ну нет, на трамвае я больше кататься не хочу, – заявила Анжела капризным тоном.

– А пешком вы можете к реке спуститься, – тотчас придумала Клавдия. – Там у нас мост деревянный, резной. Все туристы на нем фотографируются.

Старушки между тем с интересом разглядывали стоявших перед ними незнакомцев. Неожиданно простое любопытство в их глазах сменилось живым интересом, потом изумлением, а потом и восторгом.

Оглядевшись по сторонам, Таня сразу же поняла причину столь разительной перемены в настроении местного населения. Звезда отечественного кинематографа Тихон Рысаков снял свои огромные очки, выступил вперед и предстал перед бабушками во всей красе. Вид у него был такой напыщенный, как будто он стоял на сцене МХАТа и ему рукоплескал весь зал.

– А вы никак артисты? – снова вступила в разговор бойкая Клавдия.

– Артисты, артисты, – ответила Белинда, с усмешкой глядя на распушившего хвост Тихона. – Из Москвы приехали. В театре выступать будем.

Бабушки дружно заахали, почтительно качая головами и прижимая ладошки к пергаментным щекам.

– А можно автограф попросить, вот у вас? – встрепенулась Клавдия, и, снявшись со скамейки, стая старушек засуетилась вокруг Тихона.

Сомневаться не приходилось – сериал «Совы – ночные птицы» в Перегудове видели, по крайней мере, карлика-вампира опознали безошибочно.

Переполненный гордостью от того, что его великая слава докатилась даже до провинции, Рысаков достал из кармана яркую авторучку и с пижонским видом пощелкал кнопкой.

– Глупый самодовольный енот, – пробурчала Белинда, отворачиваясь.

Бабушки суетливо искали в карманах и сумках подходящие для автографа бумажки. Одна из них протянула Тихону расчетную книжку по уплате за электричество.

– Вот здесь, молодой человек! – попросила она. – Прямо так и напишите: «Клавдии Петровне на добрую память».

Рысаков поставил правую ногу на скамейку и, пристроив книжку на коленке, старательно вывел на листочке пожелание, увенчав его витиеватой подписью. Буква «Р» в его автографе смахивала на шляпку гигантского гриба-боровика.

Таня, Белинда и Анжела стояли в сторонке, о чем-то перешептываясь и тихонько посмеиваясь. Никто из них не заметил, что Таранов в задумчивости уставился на начищенный до глянца ботинок Тихона, который тот так неосторожно выставил для всеобщего обозрения. Ботинок Таранову, кажется, был знаком. Только он никак не мог вспомнить, где конкретно видел его раньше.

* * *

Следуя гениальной задумке Будкевича, Вадим слонялся по фойе, добросовестно пытаясь изобразить английского дворецкого. Неизвестно, за кого принимали его зрители, но коллегам он больше всего напоминал заблудившегося на минном поле учителя танцев.

Именно к такому мнению пришли Таранов и Маркиза, которые издали наблюдали за этим триумфом режиссерской воли. Сам же Будкевич, казалось, был вполне доволен творческим дебютом осветителя. Возможно, не вспомни Алик про идею с канделябром, его эксперимент в итоге закончился бы мирно и спокойно. К сожалению, он об этой идее вспомнил, метнулся

к двери в зрительный зал, проскочил за кулисы и через минуту вновь появился в фойе с громадным подсвечником в руках.

– Только не забыл бы потом вернуть его на место, – заметила Яблонская, с тревогой поглядывая на не в меру возбужденного босса.

– На какое место? – рассеяно спросил Таранов, тоже немного нервничая.

– На каминную полку на сцене, естественно! У нас и так с декорациями негусто, а тут еще и подсвечник утащили.

– И что это на Алика нашло? – пожал плечами Таранов.

– Режиссерская дурь! – отрезала Маркиза. – Заразное, скажу я тебе, заболевание.

Не в силах больше сдерживать эмоции, Маркиза направилась напрямиком к Будкевичу.

– Алик! – воскликнула она, крепко ухватив режиссера за рукав. – Избавь ни в чем не повинного Вадика от страданий, отпусти его протирать прожекторы.

– Да что вы! – самодовольно усмехнулся Будкевич и по-генеральски сложил руки на груди, чтобы Маркиза сразу поняла – спорить бессмысленно. – Мне кажется, он вполне вжился в образ. Пусть еще немного... поактерствует.

– Тогда хотя бы заведи у него канделябр, – проворчала Яблонская. – Он таскает его, как будто это не подсвечник, а веник. Зря ты все это придумал.

– Это была не моя идея, она исходила от Рысакова, – уперся Будкевич. – И мне она кажется хорошей.

– От Рысакова не может исходить ничего хорошего, кроме запаха одеколona, – язвительно ответила Яблонская и ретировалась.

– Ничего не вышло, – сообщила она. – Наш Мейерхольд уперся рогом.

Таранов с пониманием покачал головой.

– Нет, ну ты посмотри на этого бедного парня, – не унималась Маркиза. – В глазах тоска, как у Каштанки, и бледный, что твое привидение, – того и гляди, в обморок упадет. Надо его спасать.

Однако пока спасатели размышляли, что бы такое предпринять, Будкевич уже придумал, как заставить Веленку держать подсвечник прямо. Алик заволок беднягу в кабинет администратора и недрогнувшей рукой запалил все пять торчащих из подсвечника свечей. Если бы поблизости оказался пожарник, режиссеру бы точно не сносить головы. Но, к сожалению, пожарника на голову Будкевича в тот момент не нашлось.

– Не дрейфь, – напутствовал Алик своего протеже. – Недолго осталось.

Лучше бы он этого не говорил!

В фойе к тому времени собралось уже порядочно народу, и носитель живого огня представлял в такой толпе несомненную опасность. Веленко и сам это понял, поэтому решил переместиться из центра зала к большому черному роялю, стоявшему в углу. Продвигаясь вперед, он держал подсвечник примерно так, как крестьяне, идущие к стогу сена, обычно держат вилы.

К несчастью, пока он добирался до места, к тому же самому роялю устремилось юное прелестное создание с глазами синими, как вода в бухте Радости. Практика показывает, что чем невиннее взгляд девушки, тем большую опасность она представляет для мужчин. Эта встала точно под большой лампой, являвшейся чудом дизайнерского искусства. Чудо крепилось на длинном тросе, который именно в этот момент решил, что слишком долго служил людям, хватит. Неожиданно для всех трос сказал громкое «пум» и лопнул. Лампа, словно в замедленной съемке, стала помпезно обрушиваться вниз.

Почему-то Господь Бог всегда делает так, что хорошеньких девушек приходится спасать с риском для жизни. В ту самую секунду, когда разорвался трос, неподалеку от рояля находились двое – шеголеватый мужчина с белым шарфом на шее и Веленко в роли дворецкого. Подчиняясь мощному природному инстинкту, оба без раздумий бросились вперед. Мужчина в шарфе буквально выхватил красотку из-под падающей лампы.

К слову сказать, лампа не рухнула на пол, сея панику и хаос, а повисла на одной невидимой ниточке недалеко от пола. Зато Веленко успел прочертить в воздухе впечатляющую дугу своим канделябром. Огонь свечей метнулся к взлетевшим концам шелкового шарфа, обмотанного вокруг шеи щеголеватого спасателя. Шарф мгновенно вспыхнул.

Едва устоявшая на ногах красотка завизжала и закрыла руками глаза. Веленко мигом погасил свечи и, отшвырнув канделябр, бросился на помощь пострадавшему. Однако его опередила пышная дама, которая прыгнула прямо на щеголя и принялась изо всех сил колотить по возгоревшемуся шарфу большим цветастым веером. Веер, естественно, тут же запыхал. Перепуганная толпа вопила, мелькая ногами, руками и сумочками.

Тем временем находчивый Будкевич приволок откуда-то огнетушитель и принялся поливать из него Веленко, хотя он-то как раз и не горел. Облепленный с ног до головы пушистой пеной, осветитель снова был выведен из строя и не мог продолжать борьбу с огнем. Однако в эту борьбу уже включились отважные зрители, заливая мужчину в шарфе и женщину с веером всем, что оказалось под рукой, – газировкой, шампанским и водой из аквариума. Очень быстро пожар был потушен, крики умолкли, и публика начала постепенно приходить в себя. Люди стояли группками, возбужденно обсуждая происшествие, некоторые даже смеялись.

Будкевич подошел к пострадавшим, дабы принести им личные извинения и в качестве компенсации за моральный ущерб пообещал усадить их на лучшие места в первом ряду. К огорчению Будкевича, перепуганная красотка была немедленно уведена администратором театра в его личную ложу, поэтому в его распоряжении остались лишь два погорельца.

Маркиза в тушении пожара не участвовала, издали наблюдая за происшествием.

– Допрыгался! – грозно воскликнула она, остановив пробежавшего мимо нее режиссера. – И кто же теперь будет нам свет на сцену давать, может быть, ты? Осветитель выведен из строя!

– Да с ним все в порядке! – возмущенно воскликнул Алик. – Разве вы не видите, он весь такой живой и румяный.

Живой и румяный Веленко тем временем выяснял отношения с подожженным гражданином. К счастью, гражданин не сильно пострадал. Кроме того, он чувствовал себя героем, спасшим беззащитное создание, и поэтому был настроен на редкость дружелюбно.

– Денис Початков, – представлялся он, охотно пожимая руки всем, кто подходил к нему выразить поддержку и сочувствие. – Я совершенно случайно оказался рядом. И когда трос лопнул, и лампа полетела вниз, я сразу понял, что должен что-то предпринять. Я подумал – иначе может погибнуть такая прекрасная девушка! Впрочем, окажись на ее месте кто-то другой, я бы сделал то же самое, – поспешно добавлял он.

Останки его белого шелкового шарфа были похоронены в ближайшей урне, а самого его привела в порядок призванная на помощь Белинда.

– Зачем вы надели шарф в такую жару? – мрачно спрашивала она, обмахивая Дениса Початкова щеткой. – Это же театр, а не ночной клуб, в самом-то деле.

– Вот и я тоже задавался тем же вопросом, – шепотом вторил Белинде Будкевич, наклоняясь к самому уху Яблонской. – Если бы не шарф, все было бы в порядке. И еще эта толстая тетка с веером...

– Она что, обгорела? – заинтересовалась Маркиза.

– Слава богу, осталась цела и невредима. Просто в обморок чуть не хлопнулась прямо возле сцены. Я повел ее к лучшему месту в первом ряду, а она вдруг закатила глаза и начала валиться набок. Еле успел подхватить...

– Подхватить? Да ты, батенька, просто силач – в ней же наверняка центнера четыре! – воскликнула Яблонская, которая отличалась завидными габаритами. Чужой лишний вес всегда приводил ее в хорошее расположение духа. – А отчего она в обморок-то упала – переволновалась?

– Да нет! Обнаружила в своем декольте улитку. Мадам же водой из аквариума поливали, вот улитка и залетела за корсаж.

– Твое счастье, что улитки не кусаются, – хмыкнула Маркиза.

– Да уж... В общем, пришлось отпаивать бедняжку шампанским, и теперь она пребывает в очень даже приподнятом настроении.

– Свет у нас на сцене будет? – вернулась к насущным проблемам Яблонская.

– Свет? Думаю, должен быть. – Будкевич задумчиво помял подбородок и тотчас вскинулся: – А почему бы ему не быть?! В конце концов Веленко – не кисейная барышня. К тому же он профессионал.

– Вот именно, – ехидно поддакнула Яблонская. – Профессионал в *своем деле*. Не нужно было впутывать его в наши дела, актерские.

– Не нужно было, – как-то сразу сдался режиссер. – Признаю – погорячился, а повинную голову, как известно, меч не сечет. Послушайте, Мария Кирилловна, а вам не пора уже переодеваться?

– Не волнуйся, Алик, переодевание – мой конек. Этому каждая настоящая женщина учится смолоду.

Взяв Таранова под руку, Маркиза отправилась за кулисы. По дороге она не преминула остановиться возле всклокоченного Веленко и громко сказала:

– Вадик, дружок, тебе неплохо было бы поработать не только поджигателем, но еще и осветителем.

И, громко рассмеявшись собственной шутке, она чинно поплыла дальше.

* * *

Несмотря на «зажигательное» начало, спектакль прошел «на ура». Актеры блистали, публика стонала от восторга и плакала от смеха. Если у кого и были сомнения, то сегодня вечером они развеялись окончательно – Будкевич поставил отличную пьесу.

После спектакля Алик поблагодарил актеров за прекрасную работу, пропев при этом дифирамбы каждому исполнителю в отдельности. Однако, несмотря на удачную премьеру, Будкевич счел своим долгом напомнить, что головокружению от успехов время еще не пришло, и просил свою труппу не расслабляться – впереди их ждет дальняя дорога и новые выступления. Об инциденте с канделябром Алик предпочел не вспоминать.

В общем, настроение у всех было приподнятое, а маячивший впереди банкет делал его и вовсе праздничным.

Пока актеры переодевались, Веленко притащил Белинде костюм, в котором шеголял по фойе. Он был ужасно подавлен, держался скованно, не без основания полагая, что теперь его замучают всевозможными шуточками и подколами.

– Чего это ты такой замороженный? – грубовато спросила Белинда. – Давай не кисни. Подумаешь – подпалил театр! С кем не бывает.

Вообще-то ей было жалко глупого Вадика, но демонстрировать свои чувства она не собиралась. Белинда была уверена, что стоит один раз пожалеть мужчину, как возникнет эмоциональная привязанность. Привязывать к себе кого попало ей не хотелось, поэтому даже в критических ситуациях она старалась держаться с представителями противоположного пола сдержанно и даже сурово.

– Я же говорил, что у меня ничего не получится... – пробубнил Веленко, понурился головой. – И чего Будкевич ко мне привязался?..

– Это, несомненно, было режиссерское насилие, – кивнула Белинда, бережно складывая камзол. – Советую тебе сегодня на банкете тяпнуть водки.

– Я тоже сразу решил напиться, – оживился Вадик. – А потом вспомнил, что мне нужно будет еще бабушке позвонить. Бабушка сразу догадается, что я пьяный, расстроится, а расстраиваться ей никак нельзя. Ей уже столько лет, что в день рождения страшно открытки подписывать.

– Да уж, надо быть настоящей свиньей, чтобы расстраивать такую старую бабушку, – пробормотала Белинда.

Чтобы хоть как-то подбодрить своего незадачливого ухажера, она милостиво разрешила:

– На банкете можем сесть вместе. Я стану пить, а ты будешь следить, чтобы я вела себя прилично и не полезла на стол танцевать пасодобль. На меня иногда находит, знаешь ли.

Услышав это предложение, Веленко как-то сразу ожил и даже заулыбался. «Господи, какой младенец, – с жалостью подумала новоиспеченная нянька. – Ему нужна мамочка, которая бы ему нос вытирала, а он туда же – в женихи метит». Там не менее от своей благородной миссии Белинда не отказалась и на банкет явилась под ручку с проштрафившимся осветителем.

Народу на банкете собралось видимо-невидимо: помимо антрепризы, в полном составе принять участие в мероприятии пожелали еще человек тридцать местных. Как шепнул на ухо Будкевичу один из помощников мэра, «вся местная элита, включая криминал». По счастью, последний себя в течение вечера никак не проявил – ни визуально, ни действием, поэтому Алик так и не разобрался, где чиновники, а где не чиновники.

Мэр города, Валентина Васильевна Романчикова, оказалась симпатичной дамой с красивой фигурой и улыбкой политика. Ее слегка раскосые ореховые глаза были спокойны и внимательны. Со скидкой на хлопотную руководящую должность на вид ей можно было дать лет сорок семь. Одетая мэра была строго, но стильно.

– Посмотри, какая женщина, – шепотом сказал Таранов сидящему рядом с ним Рысакову. – А еще говорят – провинция... Просто какая-то Жаклин Кеннеди из Перегудова.

– Да, есть в ней что-то эдакое, – согласился тот. – И фигуристая такая. Я-то думал, здесь такие бабы должны водиться – во! – И он растопырил руки, словно пытаясь остановить мчащийся на него автобус. – А так, конечно... Выразительная. Глаза и все такое. Повезло городу, спокойно ведь могла быть Хавронья Никифоровна. Предлагаю за это выпить!

И Рысаков потянулся к стоящей перед ним бутылке.

– О чем это шепчутся наши звезды? Поделитесь с гостями! – громко воскликнул директор театра, в стенах которого редко случались пьянки подобного масштаба.

Тощий, лысый и белокожий, он удивительным образом напоминал поганый гриб. Однако ясные глаза скрашивали это впечатление и выдавали в нем человека, который любил мир и добрые отношения, а потому готов был пойти на все, чтобы их поддерживать. Наверняка ему приходилось несладко, ибо в актерской среде мир и добрые отношения считались большой редкостью.

– Леша Таранов хочет выпить за наших дорогих хозяев. Если быть точным – за очаровательную госпожу Романчикову! – громко заявил Рысаков, широко махнув рукой и взьерошив прическу соседа слева.

– Ну, ты, Тишка, и сволочь, – прошипел Таранов.

Хотя на самом деле он прекрасно знал, что в итоге именно ему придется «открывать программу». Все давно уже привыкли к тому, что Таранов в считанные минуты становится душой любого коллектива, особенно – активно выпивающего. В самой разношерстной компании он всегда был своим человеком. Вот и сегодня коллеги ни на секунду не усомнились, что Таранов не ударит в грязь лицом.

Он быстро поднялся с места и повернулся к Валентине Васильевне. Тост, который выдал на-гора Таранов, был пошлым и почтительным одновременно. Обомлевшие было при первых словах присутствующие в конце разразились дружным смехом и аплодисментами. Актеры же

обменялись выразительными взглядами: тост этот был уже не раз апробирован на женщинах бальзаковского возраста и всегда поражал цель. Романчикова мило улыбнулась, зарумянилась и посмотрела на Таранова чуть более внимательно.

Следующий тост Алексей предложил поднять за добровольную пожарную дружину в лице пришедших на спектакль перегудовских зрителей.

– Эти отважные люди спасли не только премьеру, но и вот этот замечательный стол, за которым мы в итоге и собрались! – справедливо отметил Таранов. И тут же предложил переименовать данный тост в тост «01».

Присутствующие, большинство из которых уже были в курсе сегодняшнего огненного шоу, от души рассмеялись. Зато директор театра почему-то прослезился и долго утирал слезы клетчатым носовым платком, пропитавшимся запахом стирального порошка.

Потом Таранов подавил в зародыше поползновения начальника местного УВД, который было заикнулся относительно тоста «02».

– Если следовать этой логике, то следующим должен быть тост «03», а это тревожно. Очень хочется повеселиться.

И тут же без перехода Таранов стал травить знаменитые актерские байки. Нечего и говорить, что публика внимала ему с восторгом – актером он был превосходным. А после третьего или четвертого тоста, окончательно расшевелив и развеселив собравшихся, он мастерски ушел в тень и, усевшись рядом с Рысаковым, стал потихоньку напиваться.

Таня, которая на протяжении вечера без особых усилий отбивала неуклюжие атаки то одного, то другого перегудовского ловеласа, все больше хмурилась. Внимание, которое привлекал к себе Таранов, почему-то страшно ее раздражало. К тому же она не могла не заметить те заинтересованные взгляды, которые время от времени бросала на Алексея перегудовская мэриша. Все это было неприятно, и в конце концов настроение у девушки окончательно испортилось. Поначалу Таня еще надеялась, что сегодня ей удастся поговорить с Алексеем. Однако пьяный Таранов всегда становился ужасно противным, и если попробовать подсесть к нему сейчас, он в лучшем случае будет лишь шуточки шутить. К тому же Рысаков может вообще все испортить, ляпнув что-нибудь про ночевку в ее квартире.

В общем, Таня решила, что посиделки пора заканчивать. Так как и гости, и хозяйка уже изрядно набрались, она надеялась тихонько смыться, но тут на ее пути встала вездесущая Белинда.

– Ну что, ревнуешь? – прищурилась она и залихватски хлопнула подругу по плечу.

Она отправилась покурить на лестницу и потащила за собой Таню, всучив ей банку из-под оливок, которая должна была исполнять роль пепельницы.

– Я не ревную! – возмутилась Таня. Но тут же поняла, что Белинда попала в самую точку. – А может, и ревную...

– К мэрише, – подлила масла в огонь подвыпившая подруга. Никакого вопросительного знака в конце этого заявления не было. – Ну и что, я бы тоже ревновала. Ух, до чего хороша баба! – глубоко затянувшись, продолжала она. – Прямо стальная магнолия.

От этих слов Таня совсем скисла.

– А тебе не кажется, что для Лешки она старовата?

– Для мужиков старая – это которая плохо выглядит! – важно изрекла Белинда. – А эта Васильна выглядит как сливочная помадка. Так что не теряй бдительность.

Когда они вернулись в банкетный зал, часть гостей уже разъехалась. Остальные бродили по залу, сбивались в небольшие группки, разговаривали, смеялись. Несколько наиболее стойких пар оккупировали дансинг и танцевали все танцы подряд, устало привалившись друг к другу.

Романчикова оживленно разговаривала с Будкевичем, время от времени прерываясь, чтобы ответить на телефонный звонок. Несколько раз к ней подходили какие-то люди и, судя

по заискивающему выражению лиц, пытались о чем-то просить. Тогда взгляд Романчиковой становился официально-холодным, и просители быстро ретировались. Было похоже, что даже в нерабочее время городской начальнице приходится решать массу проблем. Вероятно, она держала при себе Будкевича в надежде, что в его присутствии перегудовцы постесняются быть чересчур назойливыми. Пару раз к мэрше подходили ее помощники, намекая на то, что пора бы уже и честь знать. На утро наверняка были назначены важные мероприятия и начальнице следовало бы соблюдать распорядок. Но Романчикова отчего-то не уезжала.

Подхватив Алика под руку, она стала медленно прогуливаться с ним по залу. Постепенно маршрут их прогулок становился все короче и короче, и вскоре парочка оказалась в непосредственной близости от стола, за которым сидели уже порядком пьяные Таранов и Рысаков. Только что они вдвоем уговорили бутылку коньяка и теперь принялись за вторую.

Пошептавшись о чем-то с Романчиковой, Будкевич напрямик направился к столику коллег. Наклонившись и приобняв их за плечи, Алик стал что-то быстро говорить, как будто пытался убедить прекратить попойку. В результате Рысаков пьяно расхохотался, а мрачный Таранов, стряхнув с плеча руку Алика, поднялся и довольно твердой походкой направился напрямик к Валентине Васильевне. Притаившись за искусственной пальмой, Таня с негодованием наблюдала за тем, как Алексей, приблизившись к мэрше, щелкнул каблуками, склонил голову и протянул руку. Он приглашал ее на танец!

Таня изо всех сил сжала ножку бокала, который в тот момент держала в руках. Все было до пошлости банально – эта старая калоша положила на Таранова глаз. А Будкевич тоже хорош! Сводник проклятый! Интересно, какая корысть заставила его подыграть мэрше? Что он надеется получить в награду за свое сводничество?

Таня швырнула бокал в кадку с пальмой и бросилась вон из зала. Ну все, с нее хватит! Не станет она любоваться, как Таранов флиртует с этой молодящейся градоначальницей. И вообще, сколько можно страдать из-за этого дамского любимца?! Нет-нет, скорее в гостиницу, спать. Говорят, утро вечера мудренее? Вот утром и разберемся.

Перегудов, день второй

Таня была уверена, что ей ни за что не уснуть. Но как только забралась в постель, усталость мигом придавила ее голову к подушке. Спектакль, потом банкет, переживания из-за Лешки... Она лежала и сквозь ресницы смотрела, как ветер перебирает складки гостиничной занавески. В Москве Таня боялась спать с открытым балконом, а здесь нет. Кроме какой-нибудь влюбленной кошки, прогуливающейся по карнизу, кто к ней может забраться? Ее номер на третьем этаже окнами выходил во двор, густо засаженный кустами сирени.

Размышляя о перегудовских кошках, Таня незаметно задремала и проснулась внезапно, словно кто-то толкнул ее в бок. Она села на постели и потеряла глаза. Ветер подхватил занавеску, и теперь она летала по воздуху, пытаясь отцепиться от гардины и гремя кольцами. Сначала Таня решила, что именно этот звук разбудил ее. Однако секунду спустя услышала в коридоре тихий нетерпеливый стук. Господи, где это? Кто это?

Она соскочила с кровати, на цыпочках приблизилась к двери и замерла, прислушиваясь. В тот же самый миг послышалось покашливание, бормотание, потом снова раздался стук – короткий, нетерпеливый, и голос Таранова негромко сказал:

– Открой, это я. Да, срочно. Да, именно сейчас.

С Тани мгновенно слетели остатки сна. Так-так. Значит, Таранов разгуливает посреди ночи по коридору. К кому, интересно, он пришел? Напротив – номер Регины. Неужели он до сих пор крутит роман с Брагиной?! В конце концов он целый год был совершенно свободен и мог связаться с кем угодно. «С кем угодно, но только не с Брагиной!» – с негодованием подумала Таня. Повернув в замке ключ, она решительно вышла в коридор.

Таранова как раз пустили внутрь. Темноту рассекала лишь узкая желтая щель. Затем щель исчезла, прихлопнутая дверью. Дверь была не та! Не брагинская. Лешка пришел не к Регине, а к Будкевичу! Слава богу. В ином случае он сильно упал бы в Таниных глазах. Однако почти немедленно она насторожилась снова. Почему Таранов разгуливает по гостинице так поздно? Может быть, у него что-то стряслось?

Снедаемая тревогой и любопытством, Таня выскользнула из номера, пролетела по жесткой ковровой дорожке и прижалась пылающим ухом к соседней двери. Затаила дыхание и замерла, прислушиваясь.

– Алик, что мне теперь делать? – спросил Таранов не вполне трезвым голосом. – Давай, режиссер, режиссируй. Это ведь ты меня подставил.

– Не ной. Иди лучше спать, а завтра утром тебе все покажется не таким мрачным.

– Не покажется мрачным? Да ладно тебе. Еще как покажется! Будет даже хуже.

Таня сразу поняла, что Таранов не на шутку взволнован. А когда он под градусом, его трудно урезонить.

– Леш, уже скоро светать начнет. Хорошо бы немного поспать. У нас ведь спектакль завтра. Давай байньки? – По голосу было ясно, что Будкевич мечтает поскорее выставить непрошеного гостя.

– Нет, ты послушай! Когда Романчикова мне строить глазки начала, из меня весь хмель улетучился.

– Оно и видно – еле на ногах стоишь, качаешься.

– Качаюсь. Но голова-то у меня ясная, Алик. Вот скажи – на фига мне все это надо? Давай я в Москву завтра уеду...

Таня закусила губу. Неужели все так серьезно?!

– Леш, не кипятись, – успокаивающим тоном произнес Алик. – Что, собственно, произошло? Ну, попросил я тебя пригласить ее на танец. Дань вежливости, а даме приятно. Тем более

что дама – мэр. И готова с нами целые культурные программы осваивать. А там бюджеты, знаешь, какие? Все будут довольны, и ты в том числе. Ради этого можно и потанцевать.

– Она у меня мобильный попросила, – замогильным голосом сообщил Таранов. – В смысле – номер телефона.

– Ты, надеюсь, дал?

– Дал. На салфетке начирикал. Но это не все. Завтра мы встречаемся за кофе. Часиков в двенадцать-тринадцать. То есть уже сегодня.

Услышав это, подлый Будкевич откровенно возрадовался:

– Да ты что? Вот здорово! Ты там, за кофейком, даром времени не теряй. Пожалуйся на маленькую зарплату. В общем, спой арию «Тяжела и неказиста жизнь российского артиста».

– Алик, ты не понимаешь. Я всегда старался держаться подальше от представителей власти. Тем более – в юбках.

Таня, которая поначалу боялась, что ее застанут на месте преступления, вся обратилась в слух. Сейчас ничто не могло бы сдвинуть ее с места. Ревность буквально пригвоздила ее к полу.

– Да ладно тебе, – легкомысленно сказал Будкевич. – Нам скоро уезжать. Потяни время, сошлись на спектакли, мол, устаешь. Пригласи в гости – она ведь точно не приедет.

– Эта? Приедет. Я чувствую.

– Что ты чувствуешь?

– Она запала на меня.

– У тебя мания величия, – сердито возразил Алик. – Серьезная женщина, ей не доглупостей.

– А у тебя, видимо, беспамятство. Ты сам все это начал!

– Леш, я ничего не начинал. Ну да, я видел, что Валентина Васильевна на тебя очень хорошо реагирует. Дело-то обычное – пофлиртовали, потанцевали, да и разбежались. А труппе – прямая выгода может быть.

– Пошел ты со своей выгодой! – Было ясно, что Таранов страшно разозлился.

Будкевич тоже это почувствовал и заговорил ласково:

– Ситуацию можно спустить на тормозах. И при этом с пользой для общего дела. Давай так. Пьешь кофе, даешь туманные обещания, напоминаешь, что она должна со мной встретиться, – и баста. Леш, ну что тебе стоит?

– Ладно, – вздохнул Таранов. – У тебя, как у прирожденного режиссера, есть дар убеждения. Нет, Валентина эта очень даже ничего. Но будь она моделью какой-нибудь или секретаршей, я бы с радостью. А тут – власть. Сгоришь, как мотылек!

Одержав победу, Будкевич вновь вспомнил о своем статусе. Голос его сделался властным.

– Давай, мотылек, лети к себе в номер. Набирайся сил перед грядущими битвами.

Таня поняла, что еще секунда – и ее обнаружат. Она отпрыгнула в сторону и в мгновение ока очутилась возле своего номера. Влетела внутрь и одним рывком захлопнула за собой дверь.

Адреналин бушевал в ее крови всю ночь. Таня ходила по комнате, теребила злосчастную занавеску и долго стояла на балконе, делая глубокие вдохи. Луна с кислым видом смотрела на нее, не предлагая утешения. Уничтожив все запасы воды, обнаруженные в холодильнике, Таня принялась пить воду из-под крана в ванной комнате. После этого она забралась под одеяло и тут же начала вертеться, вспоминая Романчикову и ее ореховые глаза, глядевшие на Таранова с прицелом. Представила, как эти двое в полдень будут пить кофе, сидя друг напротив друга. А потом, возможно, договорятся о новом свидании. Сначала они поужинают вдвоем, потом он проводит ее до дома, а там – кто знает?

Завтрак она пропустила и удивилась, почему ее не разбудила Белинда. Подруги в номере не оказалось, и Таня отправилась вниз, в ресторан. Он был практически пуст. Лишь за дальним столиком возле окна сидели Яблонская и Курочкин.

– Почему ты так ужасно выглядишь? – немедленно спросила Маркиза, как только Таня поздоровалась. – Ты же вчера на банкете почти не пила?

– Я напилась в номере, когда вернулась, – коротко ответила та, заказав чашку кофе без молока.

– После первого спектакля грех не выпить, – пробормотал Курочкин, ковыряясь в тарелке. Вид у него тоже был слегка помятый.

Яблонская сидела на стуле прямо и смотрела грозно, пугая официантку, вертевшуюся поблизости.

– Не знаете, где Белинда? – спросила Таня, оглядываясь по сторонам.

Ресторанчик был маленьким и довольно чистым. Поверх скатертей лежали веселые клеенки, прижатые к столам тяжелыми белыми солонками и перечницами. Облупленный угол маскировала кадка с ветеранской пальмой. Неистребимый запах вареной капусты выползал из кухни и тревожил обоняние.

– Белинда вот только что куда-то отправилась, – деловито сообщил Курочкин.

– А куда? – растерянно спросила Таня.

– Понятия не имею.

– Он с ней не общался, с твоей Белиндой. Он за ней из окна наблюдал, – сердито добавила Маркиза и неожиданно набросилась на мужа: – Старый сатир! Все бы ему на девочек заглядывать! Представляешь, – развернулась она к Татьяне, – увидел вчера вечером какую-то бабу с балкона, так его аж переклинило. Спать мне не давал, то и дело вскакивал, прокрадывался к окну и выглядывал вниз. Все проверял – там она или нет.

– Ну, что ты, Маня! – возмутился сатир, бегая глазами по сторонам. – Я просто хотел подышать воздухом. После таких-то нагрузок на организм разве сразу заснешь? Какая баба? Зачем мне баба?

– Не знаю, зачем тебе баба, – продолжала наступать Яблонская. – Я была уверена, что уже ни за чем. Ан нет! Все туда же.

Таня немедленно вспомнила свои ночные метания и сочувственно сказала:

– А мне сегодня тоже не спалось. Ночью здесь тихо, и цветы так пахнут!

Яблонская посмотрела на нее с неудовольствием и, отправив в рот кусок сыра, спросила:

– Ты тоже ее видела?

– Кого?

– Ту женщину. Она слонялась под окнами гостиницы и все смотрела вверх. Я хотела ее пугнуть, но Андриан так всполошился, что пришлось остаться в постели. Боялась, что если я вмешаюсь, его хватит удар.

– Вы и вправду видели какую-то женщину ночью под окнами гостиницы? – У Тани неприятно засосало под ложечкой.

Ей пришла в голову идиотская мысль о том, что мэрша, влюбленная в Таранова, провела ночь под окнами его гостиничного номера, вздыхая и тоскуя. Какая чушь лезет в голову!

– Я ее видела только одним глазом, – ответила Яблонская. – Волосы у нее такие белые и длинные, ну прямо как у Светличной в «Бриллиантовой руке». И одета она была во что-то розовое.

– Нет, она была в красном, – подсказал Курочкин. – Очень красивый цвет.

– Слишком агрессивный, – отрезала Маркиза. – Ты просто ребенок, Андриан. Соблазняться женщинами, которых видишь из окна гостиничного номера, так же пошло, как выбирать невесту по объявлению.

– Я не собирался на ней жениться! – стал защищаться Курочкин. – Я просто смотрел на ночной город. А она стояла внизу. Я на нее тоже смотрел. Разве нельзя?

– Нельзя, – отрезала Яблонская. – Ты всегда привлекаешь к себе всякую дрянь. У тебя вообще все не как у людей. Вот скажи, куда ты подевал портсигар?

– Какой портсигар? – удивилась Таня и быстро взглянула на Курочкина. Вся труппа знала, что Андриан Серафимович покуривает тайком от жены. Неужели она его все же застукала?

Яблонская сжевала еще один кусок сыра, сделала большой глоток чая и пояснила:

– А тот, которым он пользуется по ходу спектакля.

– Да-да, мой реквизит, – подхватил Курочкин, оживляясь. – Он куда-то делся. Я уже сказал Белинде, чтобы она раздобыла новый.

– Кстати, твоя Белинда, наверное, ушла искать табачный магазин, чтобы купить портсигар для вечернего спектакля, – высказала свое мнение Яблонская. – Она девица хоть и вредная, но ответственная.

«Можно подумать, ты полезная», – хмыкнула про себя Таня. Иногда ей было жаль Курочкина. Его всем было жаль. Один Таранов считал, что тот добровольно прирос к своей супруге, как гриб к березе, и без нее вряд ли сумеет удержаться на плаву.

– Ты Алика сегодня видела? – продолжала допрашивать Маркиза.

– Сегодня нет, а что?

– Хотела убедиться, что перед сегодняшним спектаклем Вадик больше не будет слоняться по фойе. К тому же неплохо было бы услышать от режиссера что-нибудь приятное. Похвалу моему таланту, например.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.